С
3(С)2
К67

Н. КОРНАТОВСКИЙ

СЕВЕРНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

479796

ОГИЗ–МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930

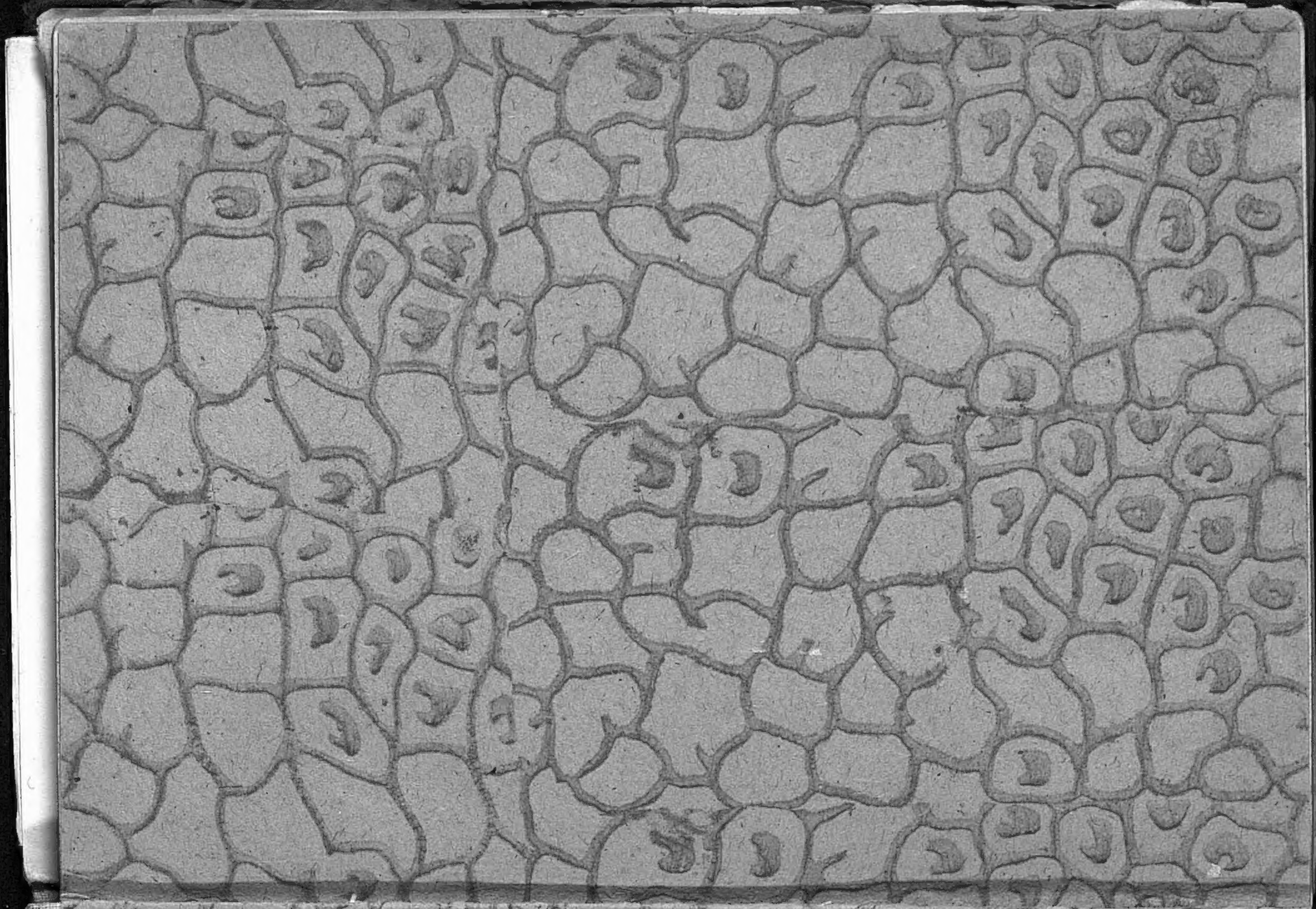
Зак.

е 9
К 67

479796

Корнатовскиш
северная
...тревалюция
80 коп.

11



3054k

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ОЧЕРКАХ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ И. И. МИНЦА и С. А. ПИОНТКОВСКОГО

Н. КОРНАТОВСКИЙ

9(42): 341.25
К
С 9(0)
К 67

СЕВЕРНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова
1966 г.

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1930

479796

9(С)22

1(Р2) : 841.12
К

М479796

2010

1995

2002

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

Школа ФЗУ им. Борщевского треста „Мосполиграф“

Главлит А—83974 Д—8 МГ 5253 Тираж 6000

Н479796

ГЛАВА I

ПОДГОТОВКА ОККУПАЦИИ СЕВЕРА

Взаимоотношения Антанты с царской Россией и Советской республикой.— Политический авантюризм Троцкого.— Смычка империалистов с Мурманским совдепом.— Образование военного совета и первая высадка английского десанта.— Образование краевого совета.— Приезд генерала Пуля.— Мурманск и Москва.— Директивы Ленина, Сталина, Чичерина. — Разрыв с Москвой. — Заключение временного договора „по особым обстоятельствам".

Захват империалистами русского Севера проходил в непосредственной связи с оккупацией целого ряда других районов Советской России и находился в зависимости от общей политики стран капитала в отношении республики труда. А эта политика империалистов в отношении Советской России определялась той ролью, которую играл западноевропейский капитал в промышленности старой царской России. Удельный вес иностранного капитала в русской промышленности был очень велик, в особенности много капитала было вложено Францией, а затем Англией. Наиболее крупные отрасли тяжелой промышленности царской России, каменноугольная и нефтяная, развивались под исключительным влиянием англо-французских капиталистов. При чем Франция по общей сумме

вложенных ею капиталов была крепко связана с Донбассом, Англия же проявляла большой интерес к нефтеносным районам Кавказа.

К этим экономическим интересам западноевропейских капиталистов прибавлялись очень крупные политические задачи. Империалисты пытались не только найти в России рынок для сбыта своих товаров и место приложения своих капиталов, но и низвести эту царскую державу в конечном итоге до положения колонии или полуколонии. Бурный самостоятельный рост промышленности в России все более увеличивал бы угрозу английского владычества на Востоке. В качестве меры воздействия на внешнюю политику русского царизма империалисты Англии и Франции делали большие усилия к тому, чтобы захватнические стремления царской России не проводились самостоятельно одной Россией, а были бы целиком согласованы с внешней политикой Англии и Франции.

Мировая война 1914 — 1918 гг. должна была привести к новому переделу мира Англией, Францией и Россией, которые заключили между собою союз и образовали так называемую Антанту, куда вошли сразу Бельгия и Сербия, а затем и другие страны, как Италия, Румыния, Япония, Греция, Португалия и наконец Америка. Против Антанты боролась другая группа государств, создавших Четверной союз в составе Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Около 70 миллионов трудоспособного населения мобилизовано было всеми воюющими странами, каждый

день война уносила в могилу и лазареты 19 тысяч человек.. Россия потеряла до 11 миллионов населения, из которых довольно значительную часть безвозвратно, а еще большую с различной потерей трудоспособности. В результате войны Россия потерпела урон в размере $^3/_5$ всего своего народного хозяйства, Австро-Венгрия $^2/_5$, Франция и Германия — $^1/_5$, в то время как Америка в 1½ раза увеличила свое народное хозяйство.

Россия участвовала в мировой войне как агент англо-французского капитала, и не участвовать в войне при царизме она не могла. Операции русской армии целиком обусловливались интересами англо-французов. Русские рабочие и крестьяне, поставленные царским правительством под ружье для защиты «веры, царя и отечества», в действительности защищали интересы крупных мировых разбойников. Среди трупов друзей и товарищей, под грохот артиллерийской канонады и свистопляски миллиардов стальных мух, русские солдаты принуждены были бороться за барыши мировой буржуазии. Но чем больше несла поражение русская армия, пытаясь спасти от разгрома армии Франции и Англии, тем быстрее росло самосознание солдатских масс. На своем собственном, очень тяжелом опыте они стали приходить к мысли, что война ведется в интересах только одного класса, класса эксплоататоров, хищников, мировых убийц, которые сами войны вести не могут и принуждают к этому рабочих и крестьян. Единственным выходом из такого положения могло быть превращение империалистической войны в войну

гражданскую. Лозунги большевистской партии в России стали находить сочувствие трудящихся масс. Ленинские идеи быстро покоряли умы исстрадавшихся рабочих и крестьян. Солдатская масса стала уже сознавать прямую необходимость бороться против тех, кто свою власть поддерживает исключительно силой оружия, против помещиков, капиталистов, офицеров, попов.

В 1917 году империалистическая война переросла в войну гражданскую. Февральская революция смела русское самодержавие, но оставила пока у власти русскую буржуазию, которая не могла дать мира стране, так как сама была заинтересована в этой войне. Только пролетарская, социалистическая революция могла дать мир, землю и все богатства страны в руки их подленных хозяев — рабочих и крестьян. Великий Октябрь и произвел необходимую перестановку классов, низложил власть буржуазии и установил диктатуру пролетариата. Советская республика с первых же дней своего существования предприняла все необходимые шаги к выходу из войны и заключила мир с Четверным союзом.

Антанта, продолжавшая войну уже без помощи России, стала на путь организации вооруженной борьбы с советской властью. Вскоре после Октябрьской революции, 23 декабря 1917 г., Англия и Франция приняли совместное решение о разделении России на сферы влияния английского и французского империализма. Это был первый шаг к тому, чтобы вскоре приступить

к выполнению плана борьбы с Советской Россией. В основу соглашения была положена экономическая и политическая заинтересованность этих государств в различных районах России. Так, юг России с Донбассом попал в сферу влияния Франции, Закавказье, Закаспийская область и север России (вся лесная полоса) — в сферу влияния Англии. Кроме этого, Франция интересовалась положением Румынии, захватившей вскоре Бессарабию и Польшу, Англия — прибалтийскими государствами. В отношении Дальнего Востока России строила захватнический план Япония. Таким образом, империалисты уже с конца 1917 г. предусматривали полное окружение Страны советов и ее разгром.

Выполнение этого плана однако было отложено на несколько месяцев исключительно потому, что достаточных военных сил для переброски на территорию Советской России англо-французские империалисты в то время еще не имели. Они были поставлены перед необходимостью вести решающую борьбу на Западном фронте против Германии, а это обстоятельство не позволяло Англии и Франции открыть немедленный вооруженный антисоветский поход. К тому же у некоторых представителей буржуазии, работавших в составе дипломатических миссий в России, зародилась смелая и оригинальная мысль втянуть Советскую Россию в войну с Германией. Такого рода надежды не были чужды и некоторым крупным лидерам империалистических государств. Причиной этого являлось то, что Советская Россия сразу же после Октябрьской револю-

ции переживала чрезвычайно тяжелый период, связанный с ее военным положением. Ведь одно дело было послать мирное предложение Германии, а другое — фактически выйти из состояния войны империалистических государств между собою. Посланная в Брест-Литовск советская мирная делегация обязана была принять все меры к тому, чтобы принести молодой Советской стране скорый мир. Однако переговоры в Бресте затягивались и имели несколько этапов своего развития. Такое положение в основном было обусловлено развернувшейся в рядах Российской коммунистической партии борьбой. Создалась группа так называемых «левых коммунистов» во главе с Н. И. Бухариным, которая отражала в значительной степени мелкобуржуазные интересы населения России. Политические взгляды «левых коммунистов» сводились к тому, чтобы не подписывать очень тяжелого мира с Германией, а итти исключительно по пути развития революционной войны в международном масштабе. Некоторое совпадение эти взгляды нашли в знаменитом лозунге «Ни мир, ни война», который был дан Троцким, председателем советской мирной делегации, во время переговоров в Брест-Литовске. Результатом подобного лозунга был перерыв переговоров, а затем переход в наступление на Советскую Россию германских войск.

Стране угрожало быть раздавленной германским милитаризмом. Как раз в это время представители Антанты стали предлагать свою помощь советскому правительству в деле организации обороны против нем-

цев. Они предлагали и деньги (по 100 руб. золотом за каждого русского солдата, оставшегося на фронте), и оружие, и своих инструкторов. 23 февраля 1918 г. Троцкий получил даже официальную ноту за подписью начальника французской военной миссии в России генерала Нисселя, в которой предлагалась помощь Советской России. Получилась такая картина, что союзники царской России непрочь сотрудничать и с Советской Россией, но только для того, чтобы она продолжала войну. Естественно, что перед Советской страной было два возможных пути дальнейшего развития событий. Один из них заключался в том, чтобы отказаться от подписания мира с Германией и продолжать с ней войну в союзе с Антантой, другой путь состоял в том, чтобы немедленно подписать чрезвычайно тяжелый мир в Бресте, выйти из империалистической войны и вести курс на закрепление октябрьских завоеваний и социалистическое переустройство страны. Сторонниками первого пути по существу были троцкисты и «левые коммунисты», борцом за второй путь был гениальный вождь Октября — Владимир Ильич Ленин.

Такое распределение руководящих ролей уже само по себе говорит о том, что первый путь был путем неизбежной гибели Советской республики, в то время как второй — единственно возможным спасением диктатуры пролетариата в России. Русской буржуазии и союзникам было очень желательно, чтобы советское правительство стало на первый путь, так как это означало

бы военный разгром Советской власти, произведенный силами, враждебными Антанте, т. е. германскими войсками. Последние в то время (начало 1918 г.) имели больше возможностей повести наступление на Петроград и Москву, чем Антанта. В общем итоге получилось бы только то, что на территории центральной России, покрытой трупами расстрелянных немцами русских рабочих и крестьян, сводили бы свои счеты империалисты двух враждебных лагерей. Их взаимная борьба, перенесенная на территорию центральной России, проходила бы за счет разгромленной диктатуры пролетариата, так как Антанта примирилась бы с военными победами немцев над большевиками, но не могла бы мириться с дальнейшим пребыванием германских войск в России.

Ленинский же путь соответствовал интересам рабочего класса и крестьянства России, измученного долголетней мировой бойней, способствовал укреплению Советской республики и создавал прочную базу для международной пролетарской революции.

Так стоял вопрос о войне в феврале 1918 г., вопрос по существу смерти или жизни Советской республики.

Только благодаря непосредственному руководству Ленина этот вопрос был разрешен в пользу жизни пролетарского государственного организма, который в дальнейшем так окреп, что не только преодолел микробы внутренней и мировой контрреволюции, но вскоре вступил на путь бурного, невиданного в мире социалистического развития.

Центральный комитет Российской коммунистической партии большевиков в своем заседании от 23 февраля 1918 г. отклонил ноту генерала Нисселя, но по вопросу брать или не брать помощь империалистов постановил принимать только военно-техническую помощь на определенных условиях. Не присутствовавший на этом заседании Ленин послал записку в ЦК, в которой просил присоединить и его голос за взятие военно-технической помощи («картошки и оружия») у одних разбойников против других. Вскоре было принято ЦК РКП(б) решение по вопросу о мире с Германией. 3 марта 1918 г. Брест-Литовский мирный договор был подписан. Он был утвержден VII съездом РКП(б) и IV чрезвычайным всероссийским съездом советов, получил также утверждение и со стороны правительства государства Четверного союза.

Антанта не могла примириться с таким положением. Слишком заманчиво и жизненно необходимо для нее было участие России в войне. Ход войны не предвещал еще тогда победы Антанты, и она искала всяких путей к усилению своего могущества. В период, предшествовавший работам IV чрезвычайного всероссийского съезда советов, союзники попрежнему вели переговоры с представителями советского правительства в надежде на то, что съезд не утвердит Брестского договора. Президент САСШ Вильсон счел даже необходимым прислать приветственную телеграмму съезду, в которой выражал надежды на воссоздание прежней мощи России при поддержке Америки. Французское пра-

вительство в лице своего посла в России Нуланса также заявило о готовности поддержать Россию против Германии. Об этом говорили и английские представители, хотя официальных заявлений от правительства Англии по этому поводу не последовало.

Истинный смысл всех мартовских переговоров конечно оставался прежний. Но если эта истина была вполне очевидна для большинства большевистской партии во главе с Лениным, то для такого «вождя» пролетарской роволюции, как Троцкий, она оставалась вне понимания. Ленин вел переговоры с империалистами для того, чтобы воспользоваться их известной помощью в интересах социалистической революции; Троцкий становился уже тогда на путь политического авантюризма. Весьма любопытно, что даже такой заядлый враг Советской власти, как бывший американский посол в России Френсис, вспоминая в начале 1919 г. о своем пребывании в России, говорил, что Ленин являлся «мозгом большевизма», а Троцкий «просто авантюристом».

Подобная характеристика врага весьма удачна и откровенна. Что может лучше отражать авантюризм Троцкого, чем его положение о «честном сотрудничестве» советского правительства с империалистами, высказанное в беседе с Садулем, бывшим тогда членом французской дипломатической миссии в России, а впоследствии ставшим коммунистом?

Вот на основе такого «честного сотрудничества» и было положено в Мурманске начало интервенциони-

стской деятельности империалистов, приведшей вскоре к оккупации всего северного района России. Союзники очень внимательно следили за развитием событий в России, и быстро учитывали роль различных контрреволюционных организаций и антисоветских партий, тайно работавших на советской территории. Ими была своевременно оценена также и предательская в отношении дела пролетарской революции практика троцкизма.

1 марта 1918 г., за два дня до подписания Брестского мира, Троцкий, тогдашний наркоминдел, послал телеграфное приказание Мурманскому совдепу принять немедленно все меры к организации обороны края, и в особенности линии Мурманской железной дороги, от немцев. Для этой цели он предлагал Мурманскому совдепу заключать «всякие соглашения» с союзниками и показать образец выдержанности и революционной преданности делу рабочего класса.

В Мурманском порту в то время находилось английское военное судно, в городе же сосредоточивались различные контрреволюционные элементы, бежавшие из различных районов Советской России. Наконец и личный состав местного совдепа не внушал никакого доверия по части его политической физиономии. В совдепе и во всем городе вообще не было ни одного большевика-партийца, а экономическое положение края было таково, что не могло к 1918 г. создать выдержавных, политически зрелых пролетарских масс. Слабый уровень политического развития рабочих,

переброшенных туда еще во время стройки Мурманской железной дороги, сильная экономическая отсталость всего края, отсутствие подлинных профессионалов-революционеров большевиков — все это создавало соответствующую социальную базу для антисоветских течений. Как ни странным это может показаться, но в Мурманске, расположенном хотя и очень далеко от Петрограда (1 500 километров), но в политическом отношении все же находившемся вблизи от родины великого Октября, Октябрьская революция совершилась только в феврале 1920 г., когда туда прибыли первые отряды покрывшей себя славой на фронтах гражданской войны Рабоче-крестьянской красной армии. Только победа советского оружия сделала в Мурманске то, что еще в конце 1917 г. должно было бы явиться следствием политической сознательности пришлого рабочего населения края.

От раскатов социалистической революции спасло Мурманск поведение местного совдепа, а до этого — Мурманского военно-революционого комитета. Предательская роль мурманских так называемых «советских» лидеров в послеоктябрьский период ничем не отличилась от соглашательской политики советов при Временном правительстве Керенского в 1917 г. Как те, так и другие старались работать в тесном контакте с буржуазией и старой администрацией. В Мурманске это сводилось к тому, что местный совдеп считал для себя большой честью сотрудничать с главным начальником Мурманского края и Мурманского отряда су-

дов (главнамур) б. адмиралом Кетлинским, назначенным на эту должность еще Временным правительством. А чем занимался последний и чины его штаба, можно судить хотя бы по одному тому, что Кетлинский очень беспокоился за службу контрразведки по всей линии Мурманской железной дороги, улучшение работы которой после Октябрьской революции он считал первоочередной для себя задачей.

Начальник штаба главнамура Веселаго, взяв командировку в Петроград в конце 1917 г., в целях ознакомления с внутренним положением молодой республики, развил там усиленную контрреволюционную деятельность. Он быстро связался с антисоветской организацией, скрывавшейся под личиной съезда мелиоративных работников русского Севера, выступал там с информацией о положении Мурманского края, говорил о необходимости создания краевой самостоятельной власти и требовал помощи людьми и средствами. Не преминул Веселаго связаться и с английским посольством в Петрограде и в беседах с англичанами высказывал мысль о необходимости вооруженной интервенции союзников в Советской России. Будучи в Петрограде, Веселаго нашел для мурманского контрреволюционного гнезда еще одного «спеца» в лице бывшего генерала Звегинцева, игравшего активную роль агента Антанты в Мурманске. Обе эти персоны, Веселаго и Звегинцев, были поистине неутомимыми работниками на фронте контрреволюции, а первый из них может

Архангельская Областная БИБЛИОТЕКА им. Н. А. Добролюбова
Обл ... им. А. Н. Добролюбова

даже бесспорно считаться заслуженным артистом северной контрреволюции.

Наконец высшая мурманская администрация поддерживала тесную связь с офицерами английского крейсера «Глори» и его командиром, адмиралом Кемпом. В результате получилось, то, что Мурманский совдеп через штаб Кетлинского прочными узами был связан с союзниками. Отсюда со всей неопровержимостью очевидна контрреволюционная роль Мурманского совдепа, который только в интересах империалистов и своих собственных считал необходимым до поры до времени прикрываться советской вывеской. И в самом деле, любопытная картина: в Мурманске после Октября существовала советская власть, и орган этой власти Мурманский совдеп подчинялся всем декретам центрального советского правительства, а в действительности никакой там в настоящем смысле слова советской власти не было, не было там установлено диктатуры пролетариата, потому что не было и своего Октября. Подчинение Мурманска Москве носило чисто формальный характер и преследовало цель выиграть время для создания всех необходимых условий к отделению края от Советской России.

Но кое-какие распоряжения центра Мурманский совдеп выполнял, при чем делал это с большой охотой и рекордной быстротой. К таким распоряжениям в первую очередь нужно отнести упоминавшуюся выше первомартовскую директиву Троцкого. Ведь она призывала Мурманский совдеп показать революционную

преданность на чрезвычайно оригинальной основе — на основе заключения всяких соглашений с империалистами из лагеря Антанты. Даже не искушенный в политике человек сразу поймет, что точное выполнение такой директивы граничит с предательством дела пролетарской революции. Так почему же не исполнить такого приказа одного из наркомов Советской республики — Троцкого, приказа, объективно способствовавшего доведению до конца начатого Мурманским совдепом контрреволюционного дела, но, с другой стороны, и обеспечивающего за совдепом не только сохранение попрежнему советской вывески, но и преобретению громкой известности как совдепа, большевистски выдержанного и исполнительного? Предлог представился настолько удачный, что и мечтать о чем-либо подобном мурманским дельцам было трудно.

Мурманский совдеп, имея таких советников, как Веселаго, Звегинцев, и «гостей» порта и города, как английский адмирал Кемп и французские представители, моментально ухватился за телеграмму Троцкого и с молниеносной быстротой приступил к ее исполнению. 2 марта между Мурманским совдепом, с одной стороны, и представителями Англии и Франции, с другой, было заключено так называемое «словесное соглашение о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края». Согласно этому документу, высшая власть в пределах Мурманского района должна была принадлежать Мурманскому совдепу, а высшее командование всеми вооруженными силами

района — вновь создающемуся органу — Мурманскому военному совету в составе трех человек (русский, англичанин и француз). Кроме этого было специально оговорено, что союзники не вмешиваются во внутренние дела края и принимают на себя заботу по снабжению населения необходимыми запасами.

Из этого «словесного» соглашения не трудно видеть, что Мурманский совдеп не являлся органом диктатуры пролетариата, при чем сползание его на контрреволюционный путь произошло задолго до 2 марта. Иначе трудно было бы понять мурманский ход событий, принявший такой быстрый темп в сторону предательства дела рабочего класса. Подумать только: в высший военный орган по руководству обороной края были введены как равноправные члены (фактически конечно как диктаторы) английский и французский офицеры! Это и свидетельствует о контрреволюционной роли местного совдепа, который согласился на подобную комбинацию. Оговорки же, что высшая власть принадлежит совдепу, что союзники не вмешиваются во внутренние дела, были введены исключительно для того, чтобы поискуснее скрыть от широких масс предательскую работу совдепа.

Проект словесного соглашения обсуждался на двух совместных совещаниях мурманцев с англо-французами. Наиболее интересным было то, что разговор шел о тех конкретных мероприятиях, которые будут приняты союзниками и русскими для обороны края. Англо-французы заявили, что продовольственную по-

мощь населению они будут оказывать только по силе возможности. Много говорилось о характере взаимоотношений военного совета с совдепом; было решено, что в военно-оперативном отношении совет действует самостоятельно, а по общим вопросам держит контакт с Мурманским совдепом. Чрезвычайно любопытно при этом было мнение английского адмирала Кемпа, который на совещании 2 марта 1918 г. выявил его в форме вопроса: «Как будет называться высшее военное командование? Полагаю, оно будет называться советом?» Никто конечно не возражал, так как лучшего обманного наименования трудно было придумать. На совещании 3 марта, т. е. уже после «словесного» соглашения выяснилось, что в военный совет вошли: английский майор морской пехоты Фоссет, французский капитан де Лагатинери и русский лейтенант Брикке (первый помощник командира крейсера «Аскольд»). При чем совещание нашло необходимым пополнить военный совет тремя комиссарами (от совдепа, моряков и железнодорожников), которые, как сообщал об этом Веселаго, «вмешиваться в распоряжения не будут, а будут лишь для контроля и информации». Кемп и де Лагатинери эту идею также одобрили. В результате прибавилась еще одна фальшивая, вывеска, которая должна была скрыть истинный характер работы предателей. Дальше говорилось о том, что не плохо было бы задержать в Мурманске отряды чехо-словаков, предназначавшиеся для переброски через Мурманский порт во Францию, о вооружении их, о разоружении матросов,

о создании специальной пулеметной команды (как надежной силы в руках союзников) и т. п. По всем вопросам было достигнуто полное единомыслие.

Общим результатом «словесного» соглашения было объявление края, вплоть до ст. Званки, на осадном положении и первая в истории Советской страны высадка английского десанта в 200 моряков при двух орудиях, происшедшая 9 марта 1918 г. с английского крейсера «Глори».

Таким образом, телеграфное приказание Троцкого от 1 марта было исполнено быстро и точно... вплоть до оформления (правда, на первых порах «словесного», но закрепленного созданием военного совета) предательства. Мурманский совдеп, находившийся в тесном содружестве с союзниками, получил очень хороший случай засвидетельствовать лишний раз свою «преданность» рабочему классу, свою быструю исполнительность и безусловную подчиненность, показать пример «мужества, твердости и распорядительности», как этого требовал Троцкий. И действительно, разве не было мужества, твердости и распорядительности у мурманских артистов контрреволюции, так крепко связавшихся «словесным соглашением» с империалистами Антанты?

Троцкий же в это время усердно ратовал за правильность поведения Мурманского совдепа. В двадцатых числах марта 1918 г. на недоуменный запрос из Петрозаводска по поводу странных событий в Мурманске он ответил, что Мурманск поступает правильно,

согласно его первомартовской директиве и что якобы на такой точке зрения стоит и Ленин. Для подтверждения последнего он рекомендовал обратиться к статье Ленина «О чесотке», политический смысл которой заключался как раз в обратном.

Для 2½-миллионной армии ленинского комсомола, для тех, кто получил возможность принимать непосредственное участие в социалистическом строительстве, кто готовит себя для сознательной, непримиримой борьбы с различными уклонами в рядах участников великой стройки — коммунистической партии,— этот печальный эпизод из истории гражданской войны на Севере должен со всей убедительностью показать истинное лицо всякого оппортунизма. От лозунга о «честном сотрудничестве» советского государства с империалистами Антанты, через первомартовскую директиву к «словесному соглашению» Мурманского совдепа с англо-французами — таков путь предательства, такова практика троцкизма. Автор телеграммы от 1 марта, допустивший, казалось бы, стилистическую ошибку, не мог не знать глубокого принципиального ее значения. А тот, кто должен был исполнить приказ, председатель Мурманского совдепа Юрьев, работавший одно время (в годы войны) с Троцким в Америке, не мог не понять, что линия поведения Троцкого находится в принципиальном противоречии с политикой большевистской партии и советского правительства во главе с Лениным. Следовательно, практика троцкизма нашла своего ярого сторонника и проводника даже по

линии персональной. Дальнейший ход событий в Мурманске подтверждает это со всей определенностью. В переговорах по прямому проводу с Москвой, с Г. В. Чичериным, Юрьев выражал свое неодобрение заключению Брестского мира, считал это предательством интересов России и следствием того, что вся политика советского правительства «диктуется» германским послом в Москве, графом Мирбахом. Вполне понятно, что никакого превращения Юрьева, этого внепартийного мурманского «большевика», из сторонников советской власти в ее злейших противников не было, так как никогда действительным сторонником диктатуры пролетариата он и не был. То же показала жизнь и в отношении Троцкого, который за время своего пребывания в рядах большевистской партии (с 1917 г. по 1927 г.) ни на одну минуту не прекращал борьбы с ленинским руководством этой партии.

После заключения «словесного соглашения» события в Мурманске пошли быстрым темпом в сторону отторжения края от Советской республики. Союзники стали увеличивать свои силы, в порт приходили английские, французские, а затем и американские военные корабли; на берег высаживались иностранные войска. Мурманские агенты империалистов стали распоясываться, учитывая силу иноземного штыка; население кормили обещаниями заграничной белой булки, а сами подняли вопрос об образовании краевого органа власти. Последнее мероприятие провели вопреки правилам дисциплины и подчинения вышестоящим органам

власти. Понятно, что это подчинение Мурманска Москве было только одной видимостью. Несмотря на то, что советское правительство было против создания краевого совдепа, мурманские дельцы 18 апреля созвали краевой съезд и провели постановление об образовании Мурманского краевого совдепа, который вскоре стал называться просто «совет». Такой переход от «совдепа» к «совету» был предусмотрен заранее мурманскими контрреволюционерами, в частности Веселаго.

В отношении обороны края мурманские дельцы не особенно беспокоились, так как серьезной-то угрозы и не было вовсе. Любопытно, что когда в военном ведомстве Советской республики заговорили о необходимости местных военных формирований в Мурманске и по линии железной дороги, то Юрьев 16 апреля ответил, что в таких формированиях в Мурманске нет необходимости и что задачей дня он считает создание только одних командных кадров. Это означало конечно, что Юрьеву и его хозяевам нужны были не массы, поставленные под ружье, а крепко сколоченные своим социальным происхождением и прежней ролью в армии офицерские кадры. Конец апреля и май 1918 г. показали, что с этой задачей мурманцы справились успешно, при чем и этот успех был в значительной степени обусловлен поведением Троцкого уже наркома по военным делам. За пять недель, с 25 апреля по 31 мая, в Мурманске скопилась довольно большая масса в 5 524 белогвардейца различных национальностей. Все они были

переброшены туда из центральных районов советской России; наибольшую часть составляли чехо-словаки, а затем русские офицеры и так называемые «штатские». Опубликованная у нас переписка некоторых союзнических представителей в России вскрывает причину свободного передвижения по советской территории различных белогвардейских отрядов и групп. Так например англичанин Локкарт 5 мая писал американцу Робинсу о том, что Троцкий удовлетворял многие просьбы союзников в отношении предоставления права свободного передвижения и что он, Троцкий, создал «все возможности для союзного сотрудничества в Мурманске».

Нет ничего удивительного поэтому, что мурманские агенты Антанты не испытывали необходимости объявлять широкую военную мобилизацию. Живых сил для доведения до конца начатого ими контрреволюционного дела было достаточно. При поддержке иностранных десантов и переброшенных из Советской России в Мурманск отрядов чехо-словаков и русских офицеров контрреволюция получила возможность распространить свое влияние на весь северный район Советской России.

Однако по этому пути действительные вдохновители всех мурманских событий — англо-французские империалисты — продвигались с соблюдением всех доступных им мер предосторожности. Конкретное выражение этого заключалось в том, что краевой совет по-прежнему считал себя органом советской власти, находящимся в подчинении центральному советскому

правительству. Что это было за подчинение, читатель уже знает, но для масс населения края в деятельности местного совдепа не все было понятно; поэтому советская вывеска и прикрывала контрреволюционную работу.

Распоряжения северного правительства, требовавшие разрыва с империалистами, Мурманском не исполнялись. Еще в двадцатых числах марта в переговорах по прямому проводу с Мурманском Ленин и Сталин сделали все возможное для того, чтобы показать Юрьеву несоответствие директив Троцкого с линией партии и правительства. Они требовали у Юрьева добиться от союзников письменного подтверждения отказа от возможной оккупации края, при чем считали это только первым шагом к скорой ликвидации «словесного соглашения» и вызванных им последствий. Мурманский совдеп этого не исполнил. Не выполнил задания советского правительства и специально посланный вскоре в Мурманск чрезвычайный комиссар Мурманского края, который на деле проводил политику Троцкого, а не Ленина.

23 мая 1918 г. Мурманский краевой совет получил телеграмму наркоминдела Чичерина, запрещающую местным организациям обращаться за помощью к империалистам и протестующую против пребывания в Мурманске союзников. В этой телеграмме говорилось также и о том, что в случае возможных вооруженых столкновений англичан с финскими белогвардейцами советские органы власти не должны выступать в роли

английских союзников, а обязаны протестовать против их действий на советской территории. Эта телеграмма не только не была принята к исполнению Мурманским краевым советом, но была преднамеренно истолкована так, что она «может быть использована к обоюдному благу и интересам союзников, всей России, угрожаемой немцами, и краевого населения, оседлого и пришлого».

8 июня Мурманск получил телеграмму Ленина и Чичерина от 7 июня, в которой говорилось, что содействие и благожелательное отношение к нарушающим нейтралитет империалистам является преступлением и срывом Брестского мира. Эта директива также не была исполнена. Мурманское контрреволюционное гнездо накануне получения телеграммы Ленина и Чичерина получило известие о том, что Версальский высший военный совет назначил английского генерала Пуля главнокомандующим всеми союзными вооруженными силами на севере России. Вполне понятно, какая из этих двух «новостей» более соответствовала настроениям и запросам мурманцев. Они решили замолчать факт получения телеграммы Ленина и Чичерина и «продолжать выигрывать время до прибытия на Мурманск достаточных союзных военных сил». В этих целях с 7 по 11 июня раздувались заведомо не соответствующие действительности слухи о начавшемся наступления белофиннов на ст. Кемь (Мурманской железной дороге). Это было необходимо для того, чтобы легче оправдать посылку в глубь края иностранных

войск. Так в Кандалакшу и Кемь были высланы союзнические войска и французский крейсер (в Кемь), 11 июня в Мурманске на берег было высажено 150 американских матросов с крейсера «Олимпия», того же числа в Мурманский порт прибыл английский легкий крейсер «Аттентив». 14 июня на совещании с союзниками было решено приступить к формированию «Славяно-британского легиона» из тех белогвардейцев, которые сосредоточились к тому времени в Мурманске.

Наконец 17 июня в Мурманск прибывает на английском крейсере генерал Пуль, назначенный созниками главнокамандующим на севере России. Одновременно с ним прибыл отряд английской пехоты и большое количество инструкторов. По случаю приезда такого желанного для мурманских «советских» дельцов гостя, 18 июня было созвано собрание всех морских команд с их центральным органом (Центромуром), на котором все собравшиеся должны были лицезреть английского солдафона. Пуль зачитал декларацию союзников по русскому вопросу, в которой повторялись уже давно избитые лозунги о невмешательстве в русские дела, об отсутствии у них намерений захватить часть русской территории и т. п. Но центральным местом в декларации было то заявление союзников, что они сумеют «заставить работать бездельников», так как сила в Мурманском крае уже на их стороне. Это было действительно и пожалуй единственное правильное указание во всей насыщенной ложью и лицемерием декларации. Это нужно понимать в том смысле, что силы

союзников в крае значительно возросли, но предпосылки для завершения контрреволюционного дела были заложены задолго до приезда Пуля. Заслуживает внимания еще тот факт, что появление в Мурманске английского генерала в роли главнокомандующего совпало с образованием английскими финансовыми кругами специального комитета, имевшего своей целью защиту интересов держателей русских государственных бумаг и облигаций городских и железнодорожных предприятий. Отсюда следует тот неопровержимый вывод, что генерал Пуль являлся оружием в руках английских финансистов, возлагавших большую надежду на успех предстоящей военной операции на территории севера Советской России.

Таким образом, середина июня 1918 г. выяснила обстановку в Мурманске. Приезд Пуля свидетельствовал, что Антанта решила перейти к прямым военным действиям против Советской республики. Причина такого решения Антанты заключалась еще в том, что на Западном фронте мировой войны события разворачивались не в ее пользу. Германские войска имели тактический успех, а силы англо-французов были недостаточны. Выход из такого положения, с точки зрения Антанты, мог заключаться в наступлении на Советскую Россию. Об этом 18 июня 1918 г. говорил в английской нижней палате один из вождей либеральной партии Асквит: «Развал русского противодействия Германии — вот непосредственный источник и причина наших несчастий, от которых мы страдаем на Западном

фронте... Всеми средствами дипломатии и, если понадобится, с помощью военной и морской поддержки мы должны, пока не поздно... установить отношения дружбы и интимного союза с великим русским народом». Нельзя отказать в здравом рассудке буржуазному певцу. Русские рабочие и крестьяне не пожелали быть пушечным мясом для защиты интересов Антанты, а поэтому да здравствует «дружба и интимный союз с великим русским народом», т. е. да здравствует белый террор и вооруженная интервенция против Советской страны.

Подобная мысль была свойственна не только представителям англо-французского империализма. Русские агенты Антанты в Мурманске (Веселаго, Звегинцев и др.) также считали единственным спасением ее немедленный поход на Советскую Россию в целях воссоздания разрушенного Октябрем восточного противогерманского фронта. Не плелись в хвосте событий и деятели типа Юрьева. Последний для выигрыша времени умудрился 21 июня 1918 г. запросить Совнарком не следует ли ему пригласить в Мурманск американцев в целях противодействия английскому засилью. Но план Юрьева был быстро раскрыт, 25 июня Ленин телеграфировал Мурманскому совету, что английский десант является враждебным советской власти и что всякое содействие империалистам, как прямое, так и косвенное, будет считаться государственной изменой. А на следующий день, 26 июня, Юрьев спешит передать по прямому проводу записку Ленину, в которой

с ни с чем несоизмеримым нахальством заявляет о необходимости самого тесного сотрудничества с союзниками. В этой записке сказалась вся контрреволюционная сущность ее автора и если Юрьев раньше об этом умалчивал, то с высадкой новых союзных сил в Мурманске его смелость значительно возросла.

Ответом на записку Юрьева была следующая телеграмма Ленина:

«Если вам до сих пор не угодно понять советскую политику, равно враждебную и англичанам и немцам, то пеняйте на себя... С англичанами мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа».

Ленинский ответ в Мурманске был подобен метко брошенной бомбе. Все мурманское контрреволюционное гнездо всполошилось; забегали русские слуги к иноземным господам, а эти последние срочно подсчитывали свои силы для того, чтобы правильнее разрешить вопрос о создавшемся положении.

27 июня вечером президиум Мурманского краевого совета постановил порвать сношения с Москвой, считая, что в момент вполне подходящий. Центральный комитет мурманского отряда судов (Центромур) стоял на такой же точке зрения, только один совет железнодорожных служащих и рабочих (Совжедор) занял выжидательную позицию, боясь итти по такому рискованному пути. На объединенном заседании краевого совета, Центромура и Совжедора от 30 июня большинство голосовало за разрыв, и через несколько часов после заседания, было созвано на площади

города народное собрание. На нем выступал с докладом Юрьев, который политику совета обусловливал первомартовской директивой Троцкого. Свой доклад Юрьев закончил указанием на то, что время двусмысленной политики прошло и что необходим контакт с союзниками и полный разрыв с Москвой. Затем выступали представители союзников, которые не могли нарадоваться верной службе и преданности им мурманского пса, Юрьева, произнесшего такую хорошую речь. Общий итог народного собрания подвел тот же Юрьев своим заключительным словом: «Товарищи! Довольно жить с няньками! Мы те же сыны родины, что и наше центральное правительство. Наша обязанность — сохранить этот край в руках русских, а не немцев». И резолюция, предложенная Юрьевым, была принята народным собранием.

1 июля Совнарком объявил Юрьева вне закона. Однако несмотря на это, Юрьев 2 июля вызвал по прямому проводу Чичерина и в результате переговоров с ним, заявившим категорически, что мурманские дельцы рассматриваются как изменники революции, стал передавать по проводу такие выражения, как «махать кулаками в воздухе нечего», «нужно смотреть на жизнь практически», «от России и советской власти осталась только копия» и т. п. На этом разговоре подчинение мурманского краевого совета советскому правительству и закончилось. Следующий день, 3 июля 1918 г., принес уже первые жертвы белого террора — англичане разогнали Кемский совет рабочих и кресть-

янских депутатов и расстреляли трех членов президиума. На территории Мурманского края образовался очаг внешней и внутренней контрреволюции, борьба с которым должна была перейти в руки Красной армии. 6 июля 1918 г. было заключено «Временное по особым обстоятельствам соглашение» президиума Мурманского краевого совета с представителями Англии, Америки и Франции. В этом новом документе, уже не «словесном», а письменном, говорилось об обороне края от немцев, о том, что расходы союзников, вызванные этой обороной, должны быть зачислены в общую сумму государственного долга России, о сохранении края «в неприкосновенности для великой, единой России» и т. п.

В общем в этом договоре было предусмотрено все то, что соответствовало в первую очередь интересам союзников. За посылку своих войск и борьбу с советской властью их русские агенты обещали заплатить за счет русского трудящегося населения. Дружба и союз с «великим русским народом» во имя порабощения этого народа, «единая великая Россия» во имя ликвидации Страны советов — таковы слова и дела контрреволюции.

2 марта — 6 июля 1918 г. — таковы официальные временные рамки созревания контрреволюционного плода. От «словесного соглашения» до «Временного договора по особым обстоятельствам» понадобилось не много, не мало, как 126 дней. «Порочный» круг замкнулся. Практика троцкизма привела к своему неиз-

бежному, уже вполне определившемуся и оформившемуся результату. Сотрудничество мурманских контрреволюционных элементов с империалистами переходило в новую стадию своего развития, необходимость же в дальнейшем использования советской вывески для контрреволюционного гнезда отпадала. Мурманская контрреволюция в июле 1918 г. подвела итоги своему искусному походу по извилистому пути. Начиная с июля 1918 г. Красная армия приступила к выполнению своего революционного долга в отношении потерянного края. Она также подвела итоги в начале 1920 г. всему ходу событий, которые имели место в Мурманске.

А пока что на ближайшее время Стране советов предстояло пережить еще ряд временных поражений и перенести ряд ударов англо-французских разбойников на советском Севере.

ГЛАВА II

ПАДЕНИЕ АРХАНГЕЛЬСКА

Интерес империалистов к Архангельску.— План Нуланса.— Роль дипломатического корпуса в России.— Экономическое и политическое состояние Архангельской губернии и Архангельска.— Деятельность советской ревизии.— Шенкурское восстание.— Оборона Архангельска и предательство военспецов. — Восстание в Архангельске.— Приход интервентов.— Провал августовского плана Локкарта.

После захвата Мурманского края империалисты приступили к выполнению второй, более серьезной части своего плана. Мурманское представление было закончено, открывался занавес над архангельским действом.

Архангельск являлся более крупным городом, чем Мурманск, и географическое расположение его было значительно выгоднее Мурманска, так как с занятием Архангельска интервенты получали возможность открыть по кратчайшим направлениям наступление в Москву. Наступательное же шествие из Мурманска в направлении хотя бы Петрограда должно было преодолеть несколько сот километров. Кроме этого преимущества, Архангельск привлекал к себе внимание союзников как город больших складов, в которых хранилось иностранное военное имущество, в годы

войны переброшенное Антантой для русской армии. В многочисленных складах в районе Архангельска хранились в большом количестве огнеприпасы, оружие, различное военное имущество, медикаменты. Были запасы и каменного угля, привезенного из Англии. Ценность грузов исчислялось десятками миллионов руле

Непреклонное желание вернуть себе это имущество, чтобы не дать его в руки большевикам, было одной из основных причин захвата союзниками Архангельска.

Подготовка к этому началась давно и велась одновременно с развитием событий на Мурмане. С точки зрения удельного веса и значимости Мурманского и Архангельского районов для союзников необходимо признать, что для обеспечения за собой Архангельска империалисты предприняли такие относительно крупные действия на Мурмане. Длительная подготовка к захвату Мурманского края, таким образом, являлась подготовкой к захвату более крупного города Архангельска и его района.

Но одних Мурманских гарантий было мало, и союзники с начала 1918 г. приступили к выработке общего плана борьбы с Советской Россией, исполнение которого во всех деталях отдавало бы сразу в распоряжение империалистов весь северный район России.

Творцом плана явился, по общему признанию, французский посол в России Нуланс. План удушения республики строился на основании учета деятельности различных контрреволюционных организаций буржуазии и офицерства и предусматривал необходимость

совместных одновременных действий иностранных войск и русской белогвардейщины. Под войсками союзников подразумевались также и чехо-словаки, которые в составе одного корпуса находились в то время на территории Советской России и подчинялись французскому генеральному штабу. Под русскими антисоветскими организациями подразумевались все контрреволюционные партии, начиная от монархистов и кончая социалистами в лице левых эсеров. Большую надежду Нуланс возлагал на организацию Бориса Савинкова, которая называлась «Союзом защиты родины и свободы». Савинков получал французские деньги, находился в непосредственной связи с французскими агентами и подготавливал целый ряд восстаний внутри республики. Тесная связь существовала повидимому и между левыми эсерами и французскими дипломатами.

В полном контакте с империалистами работала еще и другая организация, так называемый «Союз освобождения». Этот союз возник весной 1918 г. в Москве как персональное объединение членов партии эсеров, народных социалистов, «Единства», с.-д., оборонцев, кадетов и беспартийных. Филиал союза был в Петрограде, маленькие же отделения были разбросаны по многим городам и в частности на севере России — в Вологде, Елецке, Архангельске. Эти организации содержались на иностранные деньги и должны были готовить антисоветские восстания. Таковы силы, которые должны были осуществить план Нуланса.

Практическая сторона плана заключалась в том, что одновременно с антисоветскими восстаниями организации Савинкова, «Союза возрождения» и чехо-словацкого корпуса должна была произойти высадка крупных союзнических сил в Архангельске.

Главнейшие военные действия предполагалось вести таким образом, чтобы получить соединение двух фронтов против Советской России — восточного и северного. Направление Архангельск — Котлас — Вятка — Пермь давало возможность связи двух фронтов. Нужно было только иметь достаточно сил, чтобы двинуть войска в этом направлении. Предполагалось развить наступление союзническими войсками и на Москву.

Для достижения этих целей роли участников заговора были распределены следующим образом. Борис Савинков должен был поднять восстания в Рыбинске, Ярославле и Муроме; левые эсеры — в Москве; чехословаки — на Урале и по всей линии железной дороги до Владивостока; союзники — высадить десант в Архангельске. При чем в Вологде и самом Архангельске также должны были произойти антисоветские восстания, которые облегчили бы продвижение на юг интервентов.

Союзники тщательно готовились к вооруженной борьбе с Советской Россией, расходовали на это дело крупные денежные суммы, разбрасывали обширную сеть своих агентов-шпионов. Трудно найти какой-нибудь город в России, где не было бы шпиона Антанты. Организующаяся контрреволюция имела свя-

зи в целом ряде советских учреждений и воинских частей, а левые эсеры имели своих людей даже в аппарате ВЧК (заместителем председателя ВЧК тов. Дзержинского был левый эсер Александрович, игравший руководящую роль при восстании в Москве).

Молодая Советская республика была поглощена организационной работой; местные органы власти были загружены разрешением злободневных задач. Этим периодом первоначальной стройки и пользовалась контрреволюция. Под предлогом выполнения советских распоряжений, на самом деле навязанных различными котрреволюционными спецами, производились переброски воинских частей, укомплектованных враждебными советской власти элементами, в те районы, где должны были произойти восстания. Так например из Петрограда в Архангельск был переброшен конный дивизион Берса, принявший вскоре активное участие в восстании. Всякие методы нелегальной и легальной работы практиковались в борьбе с диктатурой пролетариата.

Центром всего заговора был дипломатический корпус в России, расположившийся в Вологде. Несмотря на предложения советского правительства переехать в Москву, дипломаты упорно сидели в Вологде и не хотели оттуда выезжать. Там они вырабатывали план разгрома Республики советов, туда, как на паломничество, стекались различные представители русской контрреволюции для переговоров с дипломатами. Последние пользовались правом неприкосновенности и неподсуд-

ности советским судам. Они свободно разъезжали по советской территории и ловили в мутной воде все то, что могло быть ими использовано в борьбе с советами.

Довести свою работу до конца дипломатическому корпусу все же не удалось. Восстание чехо-словаков и начавшиеся с конца мая 1918 г. десанты в Мурманске и Владивостоке открыли карты империалистов. Советское правительство было поставлено перед необходимостью начать решительную борьбу с врагами революции и обезвредить иностранных дипломатов.

Во второй половине июля 1918 г. дипломатическому корпусу было сделано категорическое заявление о невозможности их дальнейшего пребывания в Вологде. Дипломаты приняли решение о выезде за пределы Советской России и 25 июля выехали в Архангельск. Там они попытались задержаться, но со стороны Советской власти встретили решительный отказ. На следующий день дипломаты отправились на ст. Кемь, уже находившуюся в зоне действий английских войск. 30 июля послы прибыли в Кемь, а в Архангельск отправились военные суда Англии с десантом.

Тем временем Советская республика, подавив в начале июля восстания в Рыбинске, Ярославле, Муроме, Москве, стала оказывать серьезное сопротивление дальнейшим успехам чехо-словаков. Союзники запоздали с захватом Архангельска, и их русские друзья были разбиты по частям.

В связи с надвинувшейся угрозой Архангельску были приняты все меры к его защите. Однако они не привели к желаемым результатам.

Причины падения Архангельска необходимо искать во всей политической обстановке, которая сложилась в Архангельском районе после Октября. Необходимо отметить, что в Архангельске Октябрь слишком запоздал. Только с июня 1918 г. в городе проводились революционные мероприятия, которые должны были привести к созданию и укреплению действительно советской власти на местах. По сравнению с Мурманском, где диктатура пролетариата была принесена на штыках красноармейцев только в феврале 1920 г., Архангельск находился в более выгодном положении. Однако общим для этих двух пунктов крайнего севера России являлось то, что как в Мурманске, так и в Архангельске силы пролетариата, готового, итти под большевистскими лозунгами, были настолько слабы, что без поддержки извне не могла взять власть в свои руки.

Если в Мурманске такой внешней силой в 1920 г. была Красная армия, то в Архангельске летом 1918 г. таковой явилась так называемая «Советская ревизия народного комиссара М. С. Кедрова».

Формирование ревизии было вызвано необходимостью направить по правильному руслу организацию советского аппарата на местах и искоренить целый ряд ошибок и преступлений, имевших место при самостоятельной работе мест. Районом работы ревизии

были определены северные губернии республики вместе с Архангельском.

Ревизия М. С. Кедрова провела чрезвычайно большую работу на Севере. Она удачно начала борьбу с контрреволюцией, способствовала планомерной эвакуации ценного имущества из многочисленных складов Архангельска и установила там действительный орган пролетарской диктатуры. Только время не позволило довести борьбу с создавшейся на Севере внутренней контрреволюцией до конца, в то время как предпосылки для антисоветской деятельности там гнездились в экономической и политической отсталости края.

Экономическое состояние севера России (Архангельской губернии) к 1918 г. характеризуется слабо развитой крупной промышленностью и потребляющим характером сельского хозяйства. Крупная промышленность представлена на севере исключительно лесопильным производством, поглощавшим в довоенное время больше половины всех промышленных, рабочих губерний. По сравнению с другими предприятиями лесопильное производство, как работающее на экспорт, стоит на первом месте, оно получает основную массу квалифицированных рабочих. Размеры лесопильных предприятий довольно велики и концентрация рабочих на них большая (пригород Маймакса). Затем идет крупный судостроительный и судоремонтный завод в Соломбале, док и различные портовые мастерские и наконец мелкие смолокуренные

и деревообделочные предприятия. Общее количество фабрично-заводских рабочих в 1918 г. составляло несколько тысяч человек.

Сельское хозяйство губернии не имеет самостоятельного значения и носит подсобный характер. Собственным хлебом покрывается незначительная доля общей потребности, хлеб всегда доставлялся из зерновых районов России. Единственным выходом из положения для населения деревни было занятие различными промыслами. Дворы с промыслами составляли до 75% всех дворов, как-то: лесной промысел (рубка и сплав), рыболовство, охота. У самоедов в тундре — кочевое оленеводство, в северных районах губернии — продуктивное скотоводство. Архангельская губерния не знала помещичьего землевладения. До революции все земли губернии находились в руках казны, церквей, монастырей и только небольшая часть принадлежала крестьянам.

В политическом отношении население, как рабочее, так и крестьянское, являлось в общем сырой массой, подверженной постоянным колебаниям, классовые противоречия не достигли еще своего кульминационного развития. Диктатура пролетариата, только с июня 1918 г. приступившая к действительной советизации района, должна была развить массовую политико-просветительную работу, чтобы завоевать на свою сторону всех местных промышленных рабочих и основной слой крестьянства. Численность же организации РКП(б) в Архангельской губернии к июню 1918 г.

равнялась нескольким десяткам членов партии и около 500 человек сочувствующих. Существовали большевистские организации и в уездах, но в силу своей малочисленности и недостаточной выдержанности массовой работы вести не могли. Архангельская городская организация РКП(б) вместе с районами и воинскими частями насчитывала около 600 членов и кандидатов, а городской партийный комитет имел 7-8 более или менее активных членов, но и те были целиком заняты на ответственной советской работе. В общем итоге получалось то, что большевистские партийные ряды губернии были слабы и не могли наладить систематической партийной работы по губернии и среди рабочих масс.

Подобная обстановка как нельзя лучше способствовала работе внутренней контрреволюции. В своей агитации она использовала трудности продовольственного положения, экономическую разруху, обвиняя во всем этом советскую власть.

Среди сельского населения находили сочувствие эсеро-меньшевистские агитаторы. Эти антисоветские партии своими демагогическими приемами вели за собой часть судостроительных и железнодорожных рабочих. Только рабочая Маймакса являлась большевистской опорой. На долю эсеров и меньшевиков, как и везде, выпала «честь» возглавлять контрреволюционное движение и подготовить почву для диктатуры интервентов.

Таким образом, в Архангельске после Октября развилась мелкобуржуазная демократическая контрреволюция. Это нашло свое отражение в тех органах власти, которые существовали в Архангельске. Там на ряду с советом рабочих и солдатских депутатов, губернским и городским исполкомами работала городская дума и так называемая городская продовольственная исполнительная комиссия. Несмотря на то, что местный совет имел большинство соглашателей, хозяином города, не в пример Мурманскому совдепу, являлась городская дума, но самостоятельной она была только до прибытия интервентов. Вплоть до начала июня жизнь города ничем не напоминала о существовании там советской власти. Висели всякие золотые вывески, попрежнему работали международный, учетный и другие банки, торговали рестораны, в обращении были особые архангельские боны «моржевки» (на них были нарисованы моржи) и т. п. Все эти местные порядки возглавлялись городской управой и думой с городским головой. Именно поэтому в Архангельске по май 1918 г. выплачивалось вознаграждение попам за преподавание в школах «закона божия», выдавалось содержание церковным причтам, выплачивались квартирные деньги командируемым офицерским чинам, по аннулированным облигационным займам г. Архангельска 1902, 1911 и 1917 гг. выплачивались купоны. Городская продовольственная комиссия ведала распределением среди жителей города продовольственных и других предметов потребления, получав-

шихся из губпродкома. Распределение было бесконтрольным, комиссия в первую очередь заботилась о частных торговцах, которым отпустила за все время своего существования большое количество продовольствия. В городе существовали многочисленные потребительские общества: «архангельских земцев», «квартиронанимателей», «Борьба с дороговизной», «Союз мелких торговцев», «Общество северного луча».

Местная печать также была антисоветской. Издавалась меньшевистская газета «Северный луч», эсеровская газета «Наше дело», а после ее запрещения стало выходить «Вольное слово». И действительно, враги советской власти пользовались до июня 1918 г. в Архангельске полной свободой слова, вели агитацию против политики советского правительства, плели паутину лжи и клеветы на власть советов.

Такова была политическая физиономия города, которому предстояло встретить заморских гостей, ищущих «дружбы» с русским народом. Само собой разумеется, что встреча была бы более торжественной, если бы не прибыла Советская ревизия Кедрова, осушившая архангельское контрреволюционное болото. Врагу пришлось преодолеть гораздо большие трудности, чем это могло казаться на первых порах.

В первую очередь была разогнана городская дума. За незконную выплату процентов по аннулированным займам на гласных городской думы и членов управы был наложен штраф в размере израсходованной суммы. Срок внесения штрафа был ограничен тремя днями

с предупреждением, что уклонившиеся от внесения его будут подвергнуты аресту и преданы суду военно-революционного трибунала. Это был первый смелый шаг Советской ревизии, и он вызвал конечно сопротивление органов демократической контрреволюции. Дума на своем общем собрании признала наложенный штраф незаконным. Вскоре по городу стали распространяться воззвания с призывом не подчиняться распоряжениям Советской власти, свергнуть ее и организовать «независимую от представителей высшей власти рабочую организацию». Эсеровское «Наше дело» расположалось во-всю, исползуя предоставившуюся возможность легального своего существования. Однако сочувствия антисоветская кампания архангелькой думы среди населения не встретила. Когда трехдневный срок истек, все не уплатившие штрафа члены думы и управы были арестованы, был арестован весь состав меньшевистского партийного комитета и закрыт его орган «Северный луч». «Наше дело» тогда же перекрасилось в «Вольное слово», также вскоре запрещенное. Арестованные, за исключением тех, кто постарался немедленно внести штраф, были отправлены под конвоем в Москву. После этого Советская ревизия совместно с коммунистической фракцией губисполкома постановила окончательно прекратить деятельность городской думы. Закончила свое существование и городская продовольственная исполнительная комиссия.

Ревизия М. С. Кедрова приложила много энергии в деле доведения до конца начавшейся с начала года

эвакуации имущества из архангельских складов. Как ни старались представители стран Антанты воспрепятствовать эвакуации, последняя продолжалась успешно. Грузы отправлялись в различные города республики водным и железнодорожным транспортом. В качестве одной из предупредительных мер для обеспечения успеха этой работы Советской ревизией был отдан приказ, объявлявший недействительными пропуска, выданные иностранным миссиям на право посещения грузового района. В случае крайней необходимости лица, не имевшие отношения к эвакуации, пропускались на склады только в сопровождении начальника охраны и двух часовых. Эта мера в значительной степени обезопасила работу, но, с другой стороны, вызвала рост возмущения империалистов. Да и как было им не возмущаться, когда многомиллионное имущество, пересланное в свое время царской России, переходило в распоряжение Советской республики! Оно ведь ускользало из рук тех, кто надеялся с захватом Архангельска вернуть себе это богатство и в дальнейшем повести борьбу с Советской Россией. Но злоба их в данном случае была бессильна что-либо изменить в деле эвакуации. Последняя продолжалась вплоть до падения Архангельска, при чем интервенты в этом отношении остались у разбитого корыта, так как действительно все ценное было своевременно вывезено в глубь республики.

Хуже всего обстояло дело с организацией Красной армии. До приезда Советской ревизии военная работа

не вышла из стадии первичной организации местного военного аппарата. Формирование частей проходило по-кустарнически, не было общих планов, отсутствовало на местах и соответствующее военно-техническое материальное обеспечение таких формирований. Ощущалась острая нужда в военных специалистах, политических и партийных работниках. Дальше организации штабов дело не двигалось. Население не имело представления о целях и задачах Красной армии. Приток добровольцев был весьма скуден. Только голод толкал на путь добровольчества. Это обстоятельство, естественно, сказалось отрицательно и на политико-моральном состоянии сформированных частей. В них попадалось не мало просто авантюристических элементов, борьба с которыми могла быть успешной только при наличии суровой дисциплины, здоровой основной массы бойцов и при условии усиленной политико-просветительной работы. Цементирующего рабочего костяка в частях не было, так как сами рабочие не отличались революционными большевистскими качествами. Квалифицированные рабочие имели собственность в городе, основная же масса рабочих крепко была связана со своим крестьянским хозяйством. Наиболее революционными были все же рабочие лесопильных заводов, в особенности маймаксанцы, но и они были распылены по всему краю, выполняя ответственные задания. Местные красноармейские формирования, таким образом, не имели притока бойцов из крепкой рабочей среды. Тов. Кедров правильно пишет в своих

воспоминаниях, что «в минуту смертельной опасности для социалистического государства северный рабочий не встал сплошной стеной на его защиту». Эта оценка участника событий дает прямой ответ на вопрос о состоянии и боеспособности местных красноармейских частей. Только как исключение были такие части, которые отличались своей революционной выдержкой, дисциплиной и боеспособностью.

На этом общем фоне неблагополучия еще более красочной представляется военная работа местных большевиков и Советской ревизии. 22 июня Архангельск и его район были объявлены на военном положении. Командующим сухопутными и морскими силами был назначен быв. генерал А. А. Самойло, который являл собою редкое исключение из царского генералитета.

Мурманские специалисты по контрреволюции пытались привлечь на свою сторону Самойло, в частности разговоры по прямому проводу с последним вел однажды Звегинцев, но все это кончилось безуспешно. Что же касается остальных военспециалистов в Архангельске, то они действительно пошли по проторенному многими их предшественниками пути измены и предательства.

Одновременно с объявлением военного положения было решено от вербовки добровольцев перейти к мобилизации нескольких возрастов. Хотя на успех мобилизации надежд больших не было, но угроза со стороны интервентов властно толкала на этот единственно возможный путь. Решение о мобилизации было прове-

дено через съезд советов Архангельской губернии. 2 июля 1918 г. был издан соответствующий приказ о призыве пяти возрастов с 1893 по 1897 г.

Эсеро-меньшевистская контрреволюция решила использовать политическую отсталость деревни на больном для населения вопросе о мобилизации. Стали вскоре поступать тревожные резолюции из волостей и уездов. Везде высказывалось озлобление по поводу того, что война длится так долго. Этот момент обволакивался в резолюциях сходов демагогическими рассуждениями о противоречивых лозунгах и действиях большевистской партии и т. п. В общем итоге во всех уездах были вынесены по существу антисоветские постановления, призывавшие не подчиняться приказам советской власти и не итти по мобилизации на службу в Красную армию.

Провал мобилизации был полный; демократическая контрреволюция торжествовала. В Шенкурске все это дело кончилось даже восстанием 21 июля, длившимся целых десять дней. Восставшие разгромили местный исполком и арестовали бывших в городе членов губисполкома. Сил для ликвидации восстания на месте не оказалось. Шенкурский гарнизон из 35 красноармейцев и группа ответственных работников — всего 47 человек — решили засесть в помещении уездвоенкомата (б. казарма) и выдерживать осаду тысячной толпы. Принять ультиматум восставших об обезоружении красноамейцы единогласно отказались. «Отряд умрет, но оружия не сдаст» — таков был ответ.

В течение четырех дней длилась осада. Бойцы проявили истинное геройство в отражении восставших банд. Только левые эсеры, частично присоединившиеся к отряду, оказались недостойны звания революционеров. Трусости одного из видных левых эсеров, прибывшего во время восстания в Шенкурск в качестве чрезвычайного комиссара губисполкома. А. П. Попова героический отряд обязан своими дальнейшими мытарствами. Этот Попов в сопровождении восставших и под их нажимом подошел к казарме и стал умолять осажденных сдаться, гарантируя им жизнь и свободу. Вместе с этим указывал, что Архангельск не может им выслать вооруженную помощь. Осажденные, измученные четырехсуточной борьбой, сверхчеловеческим напряжением физических сил и воли, поверили левоэсеровскому глашатаю и большинством голосов решили сдаться. Позорная роль Попова тут же получила наглядное оформление. Сдавшиеся были немедленно арестованы и при издевательствах отправлены в тюрьму. А. Попов в это время извещал Архангельск о том, что восстание закончилось и посылать отряд нет необходимости. К счастью, Архангельск не поверил такой информации и выслал отряд с Павлином Виноградовым, энергичным работником, получившим в процессе этого похода навыки военного дела, позволившие ему вскоре начать смелую борьбу с союзниками и задержать продвижение их из Архангельске вверх по Северной Двине. 2 августа отряд Виноградова ликвидировал восстание в Шенкурске.

Пока происходили события, связанные с объявленной мобилизацией, Архангельск переживал напряженные дни. Принимались меры к воспрепятствованию свободного передвижения пленных сербов и итальянцев. Наркомвоен дал телеграмму об отправке всех иностранных отрядов из Архангельска в Москву, что вызвало со стороны представителей союзников протест, заявленный местной власти. 2 июля в губисполкоме произошло свидание английского и французского консулов с представителями власти. Чрезвычайно нахально вел себя при этом французский консул Эберт. На подтверждение необходимости высылки пленных из города, сделанное представителем власти (Виноградовым), Эберт ответил, редкой в дипломатическом мире резкостью. Он сказал, что представители местной власти ответят перед трибуналом той страны, которая вскоре окажется хозяином в Архангельске. Разумеется, что всякие переговоры с ним моментально прекратились и приказ был немедленно приведен в исполнение. Пленные были обезоружены и отправлены эшелоном в Москву. По дороге пленные сговорились устроить демонстрацию и дальше Вологды не ехать. Но исполнить свой план им не удалось, так как поставленный об этом в известность начальник эшелона, не доезжая Вологды, сменил паровоз и затем полным ходом промчался мимо станции в направлении Москвы. Так закончилась эта попытка дипломатов вмешаться во внутренние дела республики.

К тому времени линия Мурманской железной дороги до ст. Сорока уже была оккупирована английскими

войсками. Противник готовился к нападению на Архангельск. Для получения точных сведений о том, что делается в советском районе, объявленном на военном положении, англичане решили послать агентурную и войсковую разведку. Но и тут они потерпели неудачу. Красноармейской охраной Соловского района были задержаны два иностранных шпиона, которые имели при себе план района и должны были в качестве одной из задач выяснить возможность сообщения с Исакогоркой, минуя Архангельск. Цель подобного задания заключалась в том, чтобы получить самые достоверные данные для производства десанта в тылу Архангельска. Во время допроса задержанных выяснилось, что на следующий день рано утром на том месте, где они были арестованы, их будет ожидать пароход с Мурмана.

На заседании коммунистической фракции губисполкома было решено группе товарищей немедленно выехать в море, чтобы встретить нежданных гостей. Снарядили ледокол, яхту «Гориславу», и отправились в ночь на 18 июля в море. Вскоре увидели на горизонте силуэт неизвестного судна, в направлении которого и взяли курс. При приближении к судну оказалось, что это морской буксир «Митрофан», который при спущенных парах стоял на якоре. Так как на позывные гудки «Митрофан» не отвечал, с «Гориславы» произвели орудийный выстрел (из орудия Гочкиса). Только после этого на палубе появились люди, а на корме взвился царский трехцветный флаг. «Митрофан» отвечал, что у него испорчена машина и он чи-

нится. Явившийся по вызову капитан «Митрофана» доложил, что на буксире есть несколько английских солдат во главе с офицером. Посланная команда латышей обезоружила англичан и доставила их на яхту. По приходе в Архангельск пленные были отправлены в Москву.

В памяти английских интервентов должен запечатлеться другой, более крупный эпизод из их подготовительных действий к захвату Архангельска. Когда ни шпионы, ни команда солдат не вернулись, английское командование отправило в конце июля в район Ненокса-Соловское полувоенное судно под царским флагом и с большим отрядом английских и французских солдат. Береговая охрана была к этому времени еще более усилена, и когда интервенты на 6 вельботах стали высаживать десант, красноармейцы встретили их метким огнем с берега. Прицел был настолько удачен, что незначительная часть иностранцев сумела вернуться обратно на судно.

Частная победа красноармейцев, не допустивших высадку десанта в конце июля, послужила однако началом поражений в следующие дни. Как указывалось уже выше, 30 июля из Мурманска отправились военные суда интервентов для захвата Архангельска. 1 августа англо-французская эскадра подошла к острову Мудьюг, расположенному недалеко от устья реки Северной Двины, с правой стороны при входе в Белое море. На предложение сдаться защитники острова ответили отказом. После этого начался артил-

лерийский обстрел Мудьюга, причинивший сразу же значительные разрушения. Советские укрепления острова были сделаны так плохо, что не могли устоять перед огнем эскадры. Две батареи в составе 8 шестидюймовых орудий были поставлены на совершенно открытом месте, без всякого искусственного прикрытия, в затылок друг другу. При таком расположении стрелять они могли все только в одном направлении. С моря хорошо были видны орудия, и неприятельский крейсер, получив отказ на свое предложение сдаться, начал отходить, взяв курс на север, и дал первый выстрел. Одновременно поднялся гидроплан и сбросил на остров пачку прокламаций за подписью английского генерала Пуля и несколько бомб. Батареи острова стали отвечать из всех 8 орудий, но как только крейсер начал удаляться на север, шесть орудий из восьми потеряли возможность прицела. Один из выстрелов противника шрапнелью разорвался у самой батареи, убил и ранил несколько человек из орудийной прислуги. От бомбы гидроплана загорелся пороховой погреб. Последующими выстрелами батареи Мудьюга были окончательно выведены из строя. С неприятельского крейсера на многочисленных катерах направились к берегу десантные отряды. Слабым красноармейским частям, защищавшим Мудьюг, оставалось только отступать в тыл, через залив на материк. Замки с орудий были сняты и брошены в море.

Не могли воспрепятствовать противнику и минные поля, расставленные у южной оконечности Мудьюга.

Они не были еще окончательно приготовлены, а кроме того, их расположение опять-таки было таково, что действовать мины могли только под прикрытием батарей. Защитники Мудьюга погрузились на имевшийся буксир и отплыли, преследуемые неприятельским гидропланом, в Архангельск.

31 июля в Архангельске стало известно о занятии англо-французским отрядом гор. Онеги. Неприятельский отряд выступил туда одновременно с выходом эскадры. После занятия Онеги он двинулся по лесным тропинкам в тыл Архангельска к ст. Обозерской.

Потеря Онеги и Мудьюга не помешала все же принимать дальнейшие меры к обороне Архангельска. Губисполком, остальные советские учреждения и все наличное ценное имущество 1 августа были погружены на шесть пароходов речной флотилии и отправлены по Сев. Двине в Шенкурск. Архангельск, Архангельский, Онежский и Холмогорский уезды и железная дорога до Вологды были объявлены на осадном положении. Всеми вопросами, связанными с защитой города, ведал совет обороны. Командующим вооруженными силами вместо Самойло, отозванного к месту новой службы, был назначен б. полковник Потапов. Командующим флотилией попрежнему состоял б. адмирал Викорст. При рассмотрении причин падения Архангельска эти бывшие найдут свое место и получат заслуженную ими оценку.

Коммунисты Архангельска были поголовно вооружены; выдавалось также оружие наиболее револю-

ционным маймаксанским рабочим. Для предупреждения антисоветских восстаний город был разделен на участки, намечены сборные пункты и т. п. Мероприятия эти однако не оправдали себя из-за малочисленности партийцев и преданных делу революции рабочих. В городе быстро созревал заговор, и момент выступления приближался. Союзники легко преодолевали поставленные на их пути препятствия. Последней из таких оборонительных мер, был приказ совета обороны о заграждении устья Сев. Двины при помощи взрыва двух больших ледоколов «Святогора» и «Микулы Селяниновича».

Так как полученный для этой цели пироксилин оказался негодным, то исполнители приказа решили просто затопить суда, но сделали это настолько «умело», что противнику не стоило больших трудов освободить устье реки: суда были затоплены посредством открытия кингстонов, а интервенты при помощи водолазов закрыли кингстоны, выкачали воду и подняли ледоколы.

С распределением бойцов также было неблагополучно. Контрреволюционная рука действовала верно и смело. Наиболее надежные красноармейские части были переброшены из Архангельска на другую сторону Сев. Двины. В городе остались малочисленные небоеспособные отряды и беломорский отряд под командой б. ротмистра Берса. Этот последний и сыграл свою роль на следующий день, 2 августа. Странное и непонятное в оперативных распоряжениях Потапова,

Викорста, Берса и др. вылилось в контрреволюционное восстание, которое предварительной расправой с коммунистами и им сочувствующими должно было служить торжественной встречей прибывшим союзникам. Необходимость в такой помощи изнутри империалисты ощущали очень сильно, так как победу над большевиками в России они хотели одержать, потратив возможно меньше крови своих солдат. Архангельская контрреволюция должна была по возможности расчистить поле для будущей колониальной политики союзников и облегчить захват Архангельска.

2 августа, когда в городе остались только одиночки, не успевшие эвакуироваться или выполнявшие отдельные ответственные поручения, в Архангельске вспыхнуло восстание. Все бывшие оказались в роли руководителей: Потапов, Викорст, Берс и многие другие оправдывали доверие союзников. Город на минуту очутился в положении безвластия. Пьяная вакханалия, грабеж, убийство праздновали свою победу. Появилось не мало лиц в военных мундирах с погонами. По отступавшим советским частям был открыт пулеметный и орудийный огонь. Стреляли отовсюду, много и метко. Советская команда судна «Чесмы» понесла большие потери; уцелевшие вплавь спасались на другой берег, а затем направились вверх по Сев. Двине. Только вечером 2 августа к городу подошли военные суда империалистов и высадили десант. Красноармейский отряд Летнего берега, тот, который в конце июля отбил попытку англо-французов высадиться на

берег, оказался брошенным на произвол судьбы. Он в течение двух суток пробивался к Исакогорке, где был предупредительно встречен союзниками и после боя вынужден был сдаться. Остальные отряды защитников отходили по направлению к ст. Обозерской.

На севере Советской России с занятием интервентами Архангельска образовывался новый фронт. Чрезвычайно тяжелые условия были спутниками этой ответственной и не терпящей отлагательств работы. Естественно, что до создания настоящего фронта с соответствующим количеством бойцов и военно-технического снаряжения прошло не мало времени. Первые, самые трудные и решающие дни проходили под знаком геройства отдельных бойцов и отрядов. Это они принесли первую весть о возможности победы над вооруженными до зубов, хорошо одетыми и сытыми иностранными разбойниками. Сила красного оружия в боях с интервентами была испытана впервые именно на русском Севере, после оставления Архангельска. Временные поражения здесь были вызваны только слабостью местной советской власти и вооруженных сил. Предательство и измена гнездились всюду и везде. Но там, где было хоть несколько действительно преданных пролетарской революции бойцов, сразу давало себя чувствовать превосходство защитников республики перед интервентами.

Отступившие из Архангельска красноармейские части во главе с коммунистами сделали со своей стороны все возможное, чтобы задержать дальнейшее

продвижение противника. Имея в наличии оголенные фланги, советское командование стягивало свои силы к железной дороге Архангельск — Вологда, к ст. Обозерской. В решительной борьбе с паникой в районе Обозерской создавалось боеспособное красноармейское ядро. Угрожающим для железной дороги было направление из Онеги, где союзнический отряд вырос за счет местных контрреволюционных элементов. Однако после первой боевой стычки противник вернулся в Онегу.

Не менее важным было и северо-двинское направление. Но вскоре положение на этом участке выяснилось. Отряд Павлина Виноградова, усмиривший восстание в Шенкурске и осведомленный о падении Архангельска, пополнил свои ряды и предпринял рискованную речную операцию в районе двинского Березника. Несмотря на абсолютное превосходство сил противника, Виноградов завязал с ним бой, длившийся 2 часа 10 минут, в результате которого противник понес большие потери и впервые испытал на себе силу сопротивляемости отступивших из Архангельска советских частей. В этом последнем и заключалась задача Виноградова. После боя он оторвался от противника и отошел вверх по Сев. Двине на 40 километров от Березника. Опасность быстрого продвижения интервентов в направлении на Котлас была предотвращена. О значении этого пункта серьезно заботился В. И. Ленин, пославший 12 августа, в день занятия противником Шенкурска, телеграмму Кедрову с предложением

«связаться с Котласом, послать туда летчиков немедленно и организовать защиту Котласа во что бы то ни стало».

Неослабное внимание событиям на севере Ленин оказывал все время. Благодаря его руководству и предвидению удалось предупредить многое из деятельности внутренней контрреволюции и в деле организации фронта. Командующим всеми силами на севере был назначен, с одобрения Ленина, Кедров. Последний произвел возможную в тех условиях группировку имевшихся под рукой частей для обеспечения за собою всех направлений, назначил командующих отдельными участками, принял экстренные меры по доставке продовольствия и военно-технического имущества.

Этот начальный период борьбы с интервентами на Севере заполнен также отдельными чрезвычайно красочными эпизодами из движения красных партизан. Первый партизанский отряд организовался из группы товарищей, оставивших г. Онегу и Шелексу. Несмотря на свою малочисленность (бойцов отряда 28 чел.) и плохое вооружение (берданки), партизаны сразу же вступили в бой с противником. Под дер. Чуновой по обозерскому тракту после боевой стычки они задержали продвижение белых. Отряд пользовался большой популярностью. Вскоре он возрос до 70 чел. и под командой П. А. Попова вел операции по обозерскому тракту. Красные партизаны забирались в глубокий тыл противника, разрушали телеграфную и телефонную линии, нападали на обозы и т. п. Из онежского парти-

занского отряда вскоре был образован 159-й стрелковый полк Красной армии. 28 ноября батрацкая молодежь Шелексы сформировала второй партизанский отряд силой 18 чел. Количественный и качественный рост этого отряда был также обеспечен. К февралю 1919 г. отряд вырос до 126 чел. с партийным коллективом в 48 чел. Отряд выполнял разведывательные функции, иногда принимал участие в наступательных операциях, выделял своих проводников для регулярных красноармейских частей.

20 ноября 1918 г. был сформирован партизанский отряд на пинежском фронте. Создателями этого отряда были солдаты-фронтовики и молодежь сел. Шардомень. Записалось 42 чел. Партизаны присоединились к красноармейским частям, стоявшим в Веркольском монастыре. Вскоре туда стали прибывать со всех сторон партизаны; отряд вырос до 1 000 чел. и получил наименование Отдельного пинежского отряда.

Были созданы партизанские отряды на северодвинском и вольско-шенкурском направлениях. Действовали там церковнический и шеговарский отряды. Первый из них оперировал совместно с 155-м полком Красной армии, участвовал в боях в районе Тарасово, этом белогыардейско-кулацком гнезде Севера. Второй организовался в белом тылу 1 января 1919 г. Сочувствующие советской власти крестьяне решили собраться и перейти линию фронта. Собралось всего 74 чел. Совершив 50-километровый поход, они 15 января 1919 г. соединились с красноармейцами. Отряд под

командой М. Чухина принимал участие в боях за обладание села Шеговары. Когда этот пункт был занят, отряд красных партизан увеличился до 500 чел. Отмечалось действие незначительной группы партизан и в глухом Печорском районе.

На самом важном железнодорожном направлении в конце августа 1918 г. произошел один печальный эпизод, повлекший за собою оставление ст. Обозерской. В связи с постоянной угрозой со стороны противника для этой станции командование решило перебросить туда 3-й нумерной полк, стоявший до того в Вологде. По прибытии на новое место полк был брошен сразу на фронт и в первом же бою перешел на сторону белых. Красноармейские части вынуждены были в результате этой измены отойти к ст. Плесецкой

В общем итоге августовские бои показали интервентам, что им предстоят тяжелые и упорные бои с Красной армией. Легкость победы в Архангельске быстро сменилась трудностью дальнейшего развития успехов. Свободное, чуть ли не торжественное шествие к Москве, о котором союзники помышляли надеясь встретить по пути ряд антисоветских восстаний оказался далеко не легким и не веселым предприятием. Борьба требовала большой крови заморских гостей, а их русские агенты со своей стороны были лишены возможности в августе 1918 г. оказать обещанную и заранее оплаченную иностранным золотом услугу.

Выше упоминалось, что согласно плану Нуланса антисоветские восстания должны были произойти, в

числе прочих городов, в Архангельске и Вологде. Понятно, что изменническая деятельность таких персон, как Потапов, Викорст, Берс и др., оказала немалую услугу союзникам под Архангельском. Захвату города интервентами действительно предшествовало восстание, так что в отношении Архангельска свой долг русская белогвардейщина выполнила. Но вот с Вологдой получилось совсем иначе. Восстание, намеченное там на 8—9 августа 1918 г., не состоялось. А ведь время как-будто было настолько подходящее, что объединившейся контрреволюции нужно было ковать железо, пока оно горячо; все равно поддержки трудящихся масс они не получили и с самого начала вели авантюристическую политику. На подобный путь белогвардейцы стали бы конечно и в отношении Вологды но вся беда их заключалась в том, что инициатива действий принадлежала не им, а органам советской власти. Призванные в Архангельске к жизни в июле 1918 г., они научились ценить время и ударность во всякой работе. Советская ревизия Кедрова дали в этом отношении хорошие образцы. Так вот, и в Вологде только благодаря заблаговременно принятым мерам, искусному и решительному их проведению антисоветское восстание было предотвращено.

Первые нити заговора удалось раскрыть благодаря аресту в районе Каргополя быв. офицера Харченко, державшего путь из Петрограда в Архангельск к англичанам. Арестованный показал, что, прежде чем ехать в Архангельск, он имел задание прибыть на

ст. Дикую (по Северной ж. д.), встретить там человека, одетого в гимнастерку или шинель с отличительной приметой в виде нашитой золотой пуговицы, и после обмена установленным паролем — сказать 13 и получить в ответ 57 — принять дальнейшие инструкции. Эти случайные сведения дали возможность раскрыть офицерскую контрреволюционную организацию, главный штаб которой находился в Петрограде, а отделения и ячейки во многих городах и более или менее значительных пунктах Севера. Организация своей задачей имела формирование славяно-британских легионов и переправу офицеров в район, занятый интервентами. В Вологде во главе офицерской организации стоял домовладелец, быв. председатель губернской земской управы Н. М. Дружинин.

Арестованные белогвардейцы своими показаниями дали много ценного материала. Был установлен маршрут отправлявшихся в Архангельск членов организации, пункты остановок, явки и т. п. Как можно было заранее предполагать, наиболее гостеприимными для тайных путешественников являлись расположенные по пути монастыри. Там белогвардейцы находили подробную информацию о состоянии дальнейшего пути, ночлег, питание и всякую другую помощь. В Вологде местом явки являлось английское консульство во главе с консулом Гилезби. Последний снабжал «странников» деньгами, устраивал их на конспиративных квартирах и т. п.

В деле поимки контрреволюционных элементов немалую услугу оказывало местное население. Известны два любопытных эпизода. Активный деятель организации, являвшийся командиром переправлявшегося в Архангельск белогвардейского полка, б. полковник, б. командир батальона смерти, участник 86 боев М. А. Куроченков, после ареста рассказал историю своего провала. Когда он был арестован в первый раз, то решил немедленно бежать. Это нужно было сделать на полном ходу поезда. Куроченков пошел в уборную и, воспользовавшись тем, что часовой остановился в коридоре, открыл окно и выпрыгнул на насыпь жел.-дор. полотна. При этом он получил перелом левой руки выше локтя, но, несмотря на это, решил итти к себе на родину, взяв направление на дер. Анисово, Несвойской волости. В деревне Куроченков зашел в первую попавшуюся избу и обратился с просьбой к хозяину Александру Савину спасти его от большевиков; в качестве награды пообещал 40 тысяч рублей. Однако крестьянин не соблазнился на деньги, классового своего врага: неудавшийся белый герой под усиленным крестьянским конвоем был препровожден в Вологду.

Другой случай произошел в начале сентября с группой белогвардейцев из 4 человек. Они также направлялись из Петрограда в Архангельск. В дер. Сороки (ок. Онеги, приход Надпорожье) они решили купить лодку для дальнейшего следования. Но вскоре пришел председатель местного совета и затребовал предъяв-

ления документов. Когда ему показали поддельные документы, выданные для въезда в Вятскую губернию, то председатель затребовал еще пропуск на право въезда в Олонецкую губернию, где эти лица фактически оказались. Затем он привел караул и объявил 4 друзей арестованными. Последние решили бежать, напугав караульных крестьян револьвером. Произошла некоторая потасовка, в результате которой белогвардейцы были окружены крестьянами и сдались.

В то время, когда члены контрреволюционных организаций, один за другим попадали в руки советских органов, оставшиеся еще на территории республики, агенты Антанты пытались расширить круг своих «знакомых». Убыль одних должна была пополняться вербовкой других. Так, английский представитель Локкарт с одобрения французского консула Гренара и американского генерального консула Пуля 14 августа 1918 г. пытался подкупить комсостав расположенных в Москве латышских частей. Английский лейтенант, специализировавшийся на шпионаже,— Сидней Рейли по поручению Локкарта вел переговоры с командиром 1-го дивизиона латышской стрелковой бригады Берзиным. План на сей раз был таков. В Вологду перебрасываются из Москвы два латышских полка, которые поднимают восстание и способствуют приезду в город союзников из Архангельска. В качестве предупредительной меры на случай возможного удара Красной армии со стороны Петрограда по латышским частям было предрешено взорвать жел.-дор. мосты через р. Вол-

хов, вблизи Званки и около Череповца. «Почетная» задача возлагалась и на те латышские части, которые оставались в Москве. Одновременно с восстанием в Вологде они должны были арестовать пленарное заседание ВЦИК, предсовнаркома Ленина и наркомвоен Троцкого. Последние два подлежали немедленному расстрелу. Остальные ответственные представители советской власти при надежном офицерском конвое должны были быть отправлены в Архангельск в тюрьмы Мудьюга и Иоканьги. В Москве латыши должны были занять все правительственные учреждения, государственный банк, центральную телефонную станцию, телеграф, и приступить к формированию из быв. офицеров отрядов для водворения и поддерживания порядка. Таково содержание дополнительного августовского плана, выполнение которого возлагалось на латышей. Однако, как прежде в июле, так и теперь, в августе 1918 г., планы империалистов оказались неосуществимыми. Надежды их лопнули. Командир Берзин, получивший от Локкарта аванс в 200 000 рублей, передал сразу же деньги в ВЧК и разоблачил всю деятельность внешней и внутренней контрреволюции.

Вологда осталась советским городом. Осадное положение наложило крепкую узду на нетерпеливых и гостеприимных в отношении империалистов русских белогвардейцев, еще находящихся на воле. Мобилизация буржуазии на трудовые работы, проведенная Кедровым, выбила последнюю опору из-под ног внутренней контрреволюции. Русская белогвардей-

щина, гнездившаяся на советском Севере, была зажата тесными тисками диктатуры пролетариата. Одновременные и решительные действия на фронте и в тылу обескровили в сильной степени внутреннюю контрреволюцию и создали преграду продвижению иностранных войск.

Общий итог событий в Мурманске и Архангельске к августу 1918 г. сводится к тому, что в первом случае в руки врага попал несоветский пункт, во втором — с только что созданной советской властью. В этом ключ понимания причин быстрых успехов империалистов на севере России. Мелкобуржуазная, демократическая контрреволюция, возглавляемая эсерами и меньшевиками, одержала временную победу исключительно благодаря поддержке извне. Но в силу именно этого последнего обстоятельства господство буржуазных социалистов в основном закончилось с прибытием интервентов. То, что было в августе и частично в сентябре 1918 г., в смысле личного состава белого правительства на Севере носило временный характер и было призвано приготовить лучшую почву для военной диктатуры империалистов.

ГЛАВА III

В АНГЛИЙСКОЙ КОЛОНИИ

Верховное управление Северной области и его деятельность.— Взаимоотношения с союзниками,—Подчинение Мурманска Верховному управлению.— Сентябрьский переворот в Архангельске, его причины и результаты —Создание временного правительства Северной области.— Формирование белогвардейских вооруженных сил. — Декабрьское солдатское восстание в Архангельске.— Национальное ополчение. — Мартовские события в Архангельске. — Большевистское подполье.

В Архангельск первые части союзнического десанта вошли вечером 2 августа 1918 г. Командующий всеми союзническими военными силами ген. Пуль на своей яхте подошел к соборной пристани города в 10 час. утра следующего дня — 3 августа. Спустя два часа после приезда Пуля состоялось первое заседание нового правительства, решившего именоваться «Верховным управлением Северной области». Личный состав правительства за исключением только одного кадета был «социалистическим». Распределение министерских портфелей было следующее: председатель и иностранные дела — Н. В. Чайковский (народник-социалист); заместитель председателя, военные дела и земледелие — С. С. Маслов (эсер); секретарь управле-

ния, внутренние дела, почта и телеграф — П. Ю. Зубов (кадет); юстиция — А. И. Гуковский (эсер); финансы — Г. А. Мартющин (эсер); продовольствие, промышленность и торговля — Я. Т. Дедусенко (эсер); труд и народное образование — М. А. Лихач (трудовик).

Пропорция вышла как-будто бы неплохая: на шесть «социалистов» один монархист. Политическая физиономия Верховного управления получила весьма яркую окраску, дела же получились весьма темные. Когда через несколько лет партия эсеров предстала перед судом Советской республики, она в лице Лихача пыталась мотивировать необходимость своего участия в белогвардейском правительстве Севера. Мотив придумали довольно странный, по внешности даже «революционный»: защищать народ от империалистов! И как видно из состава правительства, к этому делу эсеры привлекли даже кадета, в котором видели лучшего сотрудника в «антиимпериалистической» борьбе. Понятно, что эта мелочь в таком большом начинании вскрывает классовое существо всей дальнейшей деятельности Верховного управления. Правда, все приказы и распоряжения правительства начинались громкой революционной фразой: «Во имя спасения родины и революции». Прочитав подобный приказ, кое-кто мог подумать, что у власти стоят действительно революционеры способные защищать население края от интервентов. В таком затушевывании своих истинных целей и намерений перед трудящимися массами

как раз и были заинтересованы как Верховное управление, так и действительные господа положения — интервенты. Мировой буржуазии в борьбе с Советской Россией нужно было использовать не только явно антисоветские элементы в лице офицеров, попов, кулаков, помещиков, представителей торгово-промышленного мира, но и темноту, невежество, классовую близорукость отдельных прослоек из трудового крестьянства и пролетариата. Это она могла делать только исключительно благодаря помощи антисоветских так называемых «социалистических» партий — эсеров и меньшевиков. «Социалисты» были агентами интервентов, выполняли всякие обязанности, вплоть до террористических актов и шпионажа. Они показали свою преданность капитализму и дали далеко не плохие образцы на фронте фальсификации, клеветы, шпионажа и террора в пользу капитализма».

Контрреволюционное архангельское действо началось «социалистами» собственно с 1917 г. и продолжалось легально до июня 1918 г. После кратковременной деятельности органов действительно Советской власти наступило падение Архангельска и приход туда интервентов. Для мелкобуржуазного населения «социалистическая» форма правления была наиболее приемлема, а потому в интересах империалистов и русской торгово-промышленной буржуазии необходимо было на первых порах вернуть к политической жизни разогнанных советской властью эсеров и меньшевиков. Так именно было создано Верховное управление.

Личный состав сформированного правительства оправдал классовое доверие буржуазии.

Верховное управление в первом своем воззвании официально приглашало союзников оказать военную и экономическую помощь русскому народу. Одновременно из Архангельска был послан приказ по району с оповещением населения о падении советской власти и с требованием принимать все меры к задержанию отступающих большевиков. Командующим вооруженными силами Верховного управления назначался организатор восстания в Архангельске, б. капитан 2 ранга Чаплин.

Интервенты не замедлили воспользоваться первыми шагами молодого правительства, в особенности официальным приглашением помочь русскому народу. Ген. Пуль впоследствии так и обосновывал высадку союзнического десанта в Архангельске приглашением самого же русского народа в лице Верховного управления. Ведь такой мотив все же лучше прямого военного вмешательства во внутренние дела России, а для истории он особенно необходим, чтобы скрыть настоящие причины интервенции. В первом обращении британского правительства к русскому народу» основная мысль состояла в том, что союзники оказывают военную и экономическую помощь русскому народу исключительно в целях закрепления за ним «знамени свободы и независимости», вокруг которого «железная рука Германии затягивает петлю».

Во имя этой «свободы» русского народа союзники предприняли северную экспедицию. Но когда их войска заняли Архангельск, то буквально через несколько дней, 6 августа, председатель Верховного управления Чайковский должен был признать, что союзники склонны рассматривать правительство исключительно как власть хозяйственную. Действительно. политическую власть осуществляли сами союзники. И если на первых порах о подобном взаимоотношении интервентов с Верховным управлением можно было только догадываться, то впоследствии это предположение подтвердилось целым рядом фактов. Приказы ген. Пуля имели гораздо большую силу чем правительственные законоположения. С назначением французского полковника Данопа военным губернатором Архангельска, что произошло несмотря на протесты Чайковского, вся полнота фактической власти сосредоточилась в руках ген. Пуля.

Верховное управление 8 августа декларировало свободу слова, совести, печати, собраний и союзов в то время, когда в действии находился раннее изданный приказ ген. Пуля, запрещавший «всякие собрания, митинги и прочие сборища как на улицах, так и в общественных местах и частных квартирах». После этого правительство пошло значительно дальше по пути обеспечения населению «свобод». 13 августа оно отменило «рабочий контроль, дезорганизовавший русскую промышленность и принесший неисчислимые бедствия рабочему классу» (?!). 14 августа была объявлена сво-

бода для старого андреевского флага, который считался официальным флагом Северной области, и трехцветного национального флага — для торговых судов. 30 августа последовало введение особых военных судов и смертной казни, 2 сентября было издано распоряжение о возвращении прежним владельцам торговых судов и прочего имущества, национализированного советской властью. Закон от 2 сентября окончательно завершил то дело восстановления капиталистической собственности, начало которого было положено отменой фабрично-заводского контроля от 13 августа. На этом общем фоне проявилась инициатива непосредственно заинтересованных в возвращении собственности лиц, а частному почину снизу придавалась соответствующая законная оболочка сверху. Когда же после приказа от 13 августа совещание союза архангельских лесопромышленников постановило прекратить всякие материальные поборы, введенные прежде в пользу рабочих организаций, то правительство, в лице заведующего отделом труда «социалиста» Лихача, узаконило это добавление.

Последствия «социалистических» мероприятий стали быстро сказываться. Местная буржуазия перешла в решительное наступление на рабочих. С предприятий выбрасывались более активные рабочие, несшие выборные обязанности по фабзавкомам и профсоюзам. Последние выселялись из занимаемых ими помещений. Буржуазия делала свое дело наверняка, предоставляя правительству находить «социалистические»

способы для успокоения рабочих масс. Одним из таких найденных методов было учреждение особого комитета из представителей охраны труда, предпринимателей и рабочих «для разрешения спорных взаимоотношений работодателей и рабочих». Соответствующее разрешение всех поступавших в комитет дел в пользу «работодателей» было заранее обеспечено. Большинство членов комитета являлось прямыми агентами буржуазии.

В деле административного устроения на всей северной территории, оккупированной войсками союзников, Верховное управление с первых дней своего существования провело жесткое постановление о безусловном подчинении Архангельску бывшего до того времени самостоятельным Мурманска. Активным деятелям мурманского контрреволюционного гнезда, в свое время вынесшим постановление о неподчинении архангельским губернским властям, а затем и центральному советскому правительству, решительное постановление Верховного управления пришлось не по вкусу. Нажим союзников, как единственной в крае силы, ведущей большую политику, обеспечил проведение в жизнь этого постановления. Мурманск попал в подчинение Архангельску. Мурманский краевой совет должен был стать исполнительным органом архангельского правительства, при чем вопрос о форме власти в Мурманске всплыл немедленно на заседании Верховного управления. 6 августа, когда этот вопрос был подвергнут обсуждению, только один Лихач внес пол-

ную «ясность» в положение дела. Вопрос о «совдепах» (мурманских) был оставлен открытым впредь до разрешения его совместно с союзниками, так как, по авторитетному мнению Лихача, все зависело от английской контрразведки. Вот где дано поистине классическое определение классовой природы тех совдепов, о которых шла речь. Кто еще из «социалистов» мог так ярко нарисовать картину из печальной эпопеи севера советской России? Лихач в этом отношении имеет пальму первенства и является пожалуй непревзойденным мастером по части установления характера взаимоотношений русской белогвардейщины с интервентами в лице их наиболее полнокровного органа — контрразведки. Положение вещей на севере России действительно было таково, что вся внутренняя политика русского белогвардейского правительства обусловливалась агентурными данными союзного шпионажа.

Мурманский краевой совет после подчинения Верховному управлению просуществовал недолго. В начале октября 1918 г. совет был упразднен, и функции местного управления перешли к помощнику архангельского генерал-губернатора по Мурманскому краю В. В. Ермолову.

Вынужденной отставке Мурманского совета предшествовала неприятность для самого Верховного управления. Пребывание у власти «социалистов», помимо положительного для буржуазии значения, имело не мало и отрицательных сторон. Правительство Чайков-

ского не имело за собой никакой поддержки трудящихся масс. Все августовские его действия, совпадавшие во времени с усилением военной диктатуры союзников и наступлением местной буржуазии, быстро охладили соглашательски настроенных рабочих. Плоды политики «социалистов» сказались почти на следующий день, а отсюда население получило чрезвычайно красочный урок. Не могли не видеть быстро осиротевшего правительства местная буржуазия и наиболее предприимчивые из союзников на русском севере — англичане. По их мнению, Чайковский с компанией свою обязанность уже выполнили и поэтому обязаны уступить место другому составу правительства. При негласной поддержке ген. Пуля группа монархистов во главе с командующим вооруженными силами Верховного управления Чаплиным в ночь на 6 сентября арестовала весь состав правительства и на пароходе срочно, как скоропортящийся груз, отправила в Соловки в бессрочную ссылку. Переворот был сделан так быстро и тихо, что многие узнали о нем только из официального объявления. 6 сентября появился «Приказ командующего русскими действующими сухопутными и морскими силами» Чаплина, в котором до всеобщего сведения доводилось низвержение Верховного управления и новом составе правительства. В правительство назначались черносотенные монархисты: Старцев, Постников, Дуров, Иванов, Горковский и др. Причины переворота формулировались очень просто: «Только мощная армия и организован-

ная военная сила смогут дать нам свободу от германского ига и надежду на светлое будущее России. Верховное управление Северной области не смогло справиться с этой задачей, его усилия ни к чему не привели, и оно ушло от власти».

Так Чаплин объяснял свой поступок, свою приверженность к революционным методам действия. Истинные причины заключались, конечно, не в том, чтобы оградить русский народ от германского ига, а чтобы поставить у власти не агентов буржуазии, а самое буржуазию. Вопрос о личном составе северного правительства — вот что являлось осью переворота. Личные мотивы довлели над существом дела. Ведь «социалисты» проводили целиком угодную буржуазии политику. И то, что правительство Чайковского в этом отношении себя еще не изжило, потверждается ходом дальнейших событий, вызванных переворотом. 6 сентября выступил с протестом по поводу ареста членов правительства «Совет кооперативов Севера». Рабочие, получив возможность заявить свой протест против разгула белогвардейцев различных оттенков, как «социалистического», так и монархического, объявили всеобщую забастовку и провели ее организованно. Вольность русских монархистов поразила даже дипломатических сановников. Английское покровительство Чаплину, как оно усиленно ни скрывалось стало общепризнанным фактом. Американский посол Френсис о происшедших в городе событиях узнал от ген. Пуля, который назвал и главное действующее ли-

цо. Когда же Пуль и Френсис навестили Чаплина, то последний по поводу своих действий заявил по смыслу так: «Я его, правительство, породил, я его и убью». Дипломатам пришлось прибегнуть к более действенному способу — опубликовать 7 сентября специальное обращение «к населению Северной области» за подписью Френсиса (Америка), Линдлея (Англия), Нуланса (Франция) и Торрета (Италия). В этом документе говорилось о том, что авторы желают снять с себя всякую ответственность за происшедшее, но в то же время принять меры к немедленному освобождению арестованных членов правительства и возвращению их обратно в Архангельск.

Несмотря на то, что подпись Линдлея под обращением дипломатов преследовала цель завуалирования «революционных» комбинаций своего генерала, закулисная игра последнего в отношении ареста правительства должна была все же закончиться в пользу министров «социалистов». Последние, переполненные чувством благодарности к союзникам и недоумевающие по поводу происшедших событий, из Соловков вернулись к месту своей прежней службы и взяли бразды правления снова в свои руки. 9 сентября Верховное управление, воспринявшее протест и забастовку как выражение сочувствия к арестованному правительству, обратилось к населению с благодарностью за «нравственную» поддержку и призывом прекратить протест и возвратиться к «спокойному и одушевленному труду». Непосредственные виновники переворота остались вне

досягаемости правительства, так как многие из них ушли под крылышко ген. Пуля, а Чаплин вскоре получил должность командира одного из белых полков и отбыл на фронт.

Итак насильственная форма переворота не оправдала себя. «Социалисты» получили возможность продолжать свою государственную деятельность, но недолго. Как никак, а большой букет из «социалистов» в правительстве Севера давал неприятный запах для местной буржуазии и интервентов. Издав после освобождения из под ареста два наиболее существенных приказа: от 13 сентября — об отмене всех изданных советской властью декретов о различных видах социального страхования рабочих и от 18 сентября — о введении в действие царского свода законов (устав о наказаниях, устав уголовного судопроизводства и др.). Верховное управление было поставлено перед необходимостью «добровольно» сложить свои полномочия. 28 сентября 1918 г. Чайковский сформировал новое «Временное правительство Северной области» в составе: председатель, иностранные дела и земледелие — Чайковский (народник-социалист), генерал-губернатор, командующий русскими войсками и заведывающий отделами: военным, внутренних дел, путей сообщения, почт и телеграфа — полковник Дуров (беспартийный), финансы — князь Куракин (беспартийный), юстиция — Городецкий (кадет), торговля, промышленность и вопросы труда — Мефодиев (кадет), секретарь правительства и народное просвещение — Зубов (кадет). Таким

образом, из 6 членов нового состава правительства только один (Чайковский) был «социалистом», остальные — явные и тайные (двое так называемые «беспартийные») монархисты. Партийная физиономия белого правительства изменилась, и это новое правительство на всех парах шло к военной диктатуре, в условиях которой оно становилось фикцией, вспомогательным органом при номинально русском, а фактически союзном военном диктаторе.

Вслед за исчезновением Верховного управления был уничтожен и Мурманский краевой совет. Главой администрации края стал быв. царский чиновник Ермолов. Фактическая власть находилась в руках английского генерала Мейнарда, командующего всеми союзными силами в крае. Командующим русскими войсками, вернее незначительными отрядами, был небезызвестный ген. Звягинцев. В середине ноября он, этот «герой» мурманской контрреволюции, в силу трений с англичанами вынужден был уйти со своего поста и заняться коммерческими делами.

Произошли кое-какие личные перемены и в Архангельске. Весьма строптивый ген. Пуль исчез со сцены северного контрреволюционного театра и в 1919 г. появился в лагере южной контрреволюции, в стане ген. Деникина. Место Пуля занял новый специалист колониальной политики английского империализма ген. Айронсайд. Командующим русскими войсками и временно исполняющим обязанности генерал-губернатора с конца ноября 1918 г. вместо Дурова стал ген. Мару-

шевский. В роли губернского комиссара (губернатора) начал подвизаться с большим трудом пробравшийся из советской России в Архангельск народник-социалист Игнатьев.

Всем этим лицам в течение длительного времени суждено было в той или иной степени принимать участие в государственном устроении всего севера России. Но русские белогвардейцы сидели на своих местах так, как могут сидеть нетрезвые люди в единственном судне, не могущем подойти из-за сильного волнения к берегу. Из-за боязни потерпеть аварию при немедленном причале к берегу они выбирают меньшее зло — испытывают сильную качку в море. Берег виден отчетливо, но подойти к нему немедленно нет решимости из-за боязни разбить последнее судно. Зато хватает силы воли держаться до поры до времени в море. Подобно этому и русские белые вожди всех мастей и рангов боялись приступить немедленно к полному восстановлению старого режима из-за боязни столь же быстро потерять и те клочки русской земли, которые оказались пораженными контрреволюцией. Оставалось проявлять силу воли в другом направлении, держаться на гребне контрреволюционной волны: пользоваться услугами таких, как Чайковский и Игнатьев, и воздерживаться от резких шагов. Потеря сотрудников Чайковского по Верховному управлению была возмещена приобретением Игнатьева для временного правительства. И не напрасно, так как деятельностью Игнатьева в конце 1918 г. и начале 1919 г. был дово-

лен даже такой махровый монархист, как ген. Марушевский. Он писал, что «власть нужно было завоевать и утверждать, опираясь на массы». А эту обязанность, только не в отношении масс, а отдельных прослоек населения, могли дополнять Чайковские, Игнатьевы и им подобные.

После перестановки ряда лиц и перераспределения ролей оркестр северной контрреволюции снова заиграл. Первоочередной задачей для нее являлось укрепление фронта. Объявленная мобилизация не встретила сочувствия у населения; обострявшийся с каждым днем продовольственный кризис и репрессивные меры заставили призывных итти в белую армию. При ген. Марушевском дело формирования частей пошло по заранее выработанному плану. Сразу же после своего вступления в должность командующего он провел через правительство ряд постановлений о дисциплине, о восстановлении всех прав офицеров, статута ордена Георгия и прежней царской формы. Возражение встретил только вопрос о форме, о погонах, но и здесь в конце-концов правительство уступило. Проведение этой меры встретило некоторое сопротивление солдат, которые спарывали у унтер-офицеров нашивки и т. п. Марушевский рассказывает, что ему нужно было принимать «неотложные меры к поднятию морали и успокоения этой бунтующей орды». Кое-что в этом отношении было сделано, и «неотложные меры» белого генерала закрепили на офицерских плечах погоны, а на груди старые царские знаки отличия.

Нужно отдать справедливость русским офицерам, старым царским патриотам, что многие из них иностранную форму предпочли национальной. У французов и англичан на временной военной службе (по контракту) находились целые части, сформированные из русских офицеров. Генералы русской службы превращались в капитанов французской армии (Самарин), русские полковники в английских лейтенантов и т. д.

Офицерские чины английской армии свободно давались не только лицам, в свое время имевшим отношения к русскому офицерскому корпусу, но и всем жаждущим этой чести. Представители торгово-промышленного мира с большой охотой подписывали контракты с союзниками и поступали в их полное распоряжение. Служили все эти наймиты конечно не за страх, а за совесть, и оказывались надежной антисоветской агентурой в руках союзников.

Постепенно сколачивалось офицерское ядро на Севере и затем обволакивалось рядовой мобилизованной массой солдат. К началу 1919 г. русская белая армия Севера насчитывала около 5 400 штыков и сабель; из них около 2 000 находилось в Архангельске, остальные занимали различные участки фронта. Так, на Мурмане было около 800 штыков и сабель, в долине р. Онеги 400, в Селецком районе 800, на Двине 400, на Пинеге 400 и в Мезенско-Печорском районе около 600 штыков и сабель. Союзнические силы к началу 1919 г. на всем Севере распределялись по национальности так: англичан было 13 050, американцев 5 200, французов

2 331, итальянцев 1 251 и сербов 1 220. Итак на 5 000 русских приходилось больше 22 000 союзников. Фронт поглощал значительное количество союзных войск, и командование отдельными боевыми участками принадлежало союзным офицерам. Эти данные чрезвычайно характерны для истории гражданской войны в России. Если на остальных фронтах республики союзные части были каплей в море мобилизованных в белую армию крестьян, то на Севере Красная армия имела перед собой в качестве основной силы войска интервентов. Только с осени 1919 г., после ухода союзников, две стороны — Красная армия и белая — вплотную встретились в боях, и в этом единоборстве северяне белогвардейцы, покинутые интервентами, проиграли свою азартную авантюристическую игру. До осени 1919 г. фронт обеспечивался со стороны противника в общем не особенно многочисленными силами, имея в виду обширность театра войны. Но малочисленность богато возмещалась военно-техническими средствами. Противник располагался преимущественно в долинах рек и по линии железной дороги. Красноармейским частям, уступавшим в отношении и количества и технических средств союзникам, победа давалась с большими потерями. Это достижение побед находило свое объяснение почти исключительно в политико-моральном преимуществе красноармейцев перед белогвардейцами и интервентами. Республика, решавшая вопрос о своей жизни или смерти на других фронтах, не могла уделять достаточно внимания и средств Северному

фронту, так как он за все время своего существования имел соподчиненное значение.

При разрешении ряда военных вопросов на Севере правительству приходилось беспрекословно подчинять-ся предложениям генералитета. Трагический эпизод, происшедший в декабре 1918 г. в 1-м Архангельском полку, вскрывает характер взаимоотношений правительства, в частности Чайковского, с военной кликой. Этот полк был недавно сформирован из мобилизованных крестьян, и военное обучение его еще далеко не закончилось. Несмотря на это, генерал Марушевский решил две роты полка отправить на фронт, где они должны были, пользуясь некоторым затишьем, продолжать строевую подготовку. День отправки был назначен на 11 декабря, после соответствующего вспрыскивания религиозного морфия на молебне. Солдаты получили хорошее обмундирование и вооружение. Желая блеснуть перед интервентами боеспособностью русских солдат, Марушевский назначил в каждую роту по 10—12 офицеров из расчета, чтобы даже части отделений находились в руках офицеров. Кроме этого роты имели по пулеметному взводу из «верных людей, на которых в случае нужды можно было опереться». Понятно, какая мысль при этом сверлила голову белого генерала и для чего он среди солдат создавал крепкие и вполне надежные антисоветские гнезда. Такие предупредительные меры могли свидетельствовать только о том, что сама солдатская масса, не-

давно призванная в белую армию, не внушала никакого доверия в деле борьбы с Красной армией. Так оно и случилось. 11 декабря было памятным днем неорганизованного выступления солдат против белогвардейского режима. Это была стихийная решимость без организации, без выдержки, без достаточного партийного большевистского руководства.

События начались с отказа солдат итти на молебен, а затем на фронт. Оружие было быстро расхватано, по ротам полка велось бурное обсуждение злободневного вопроса. Офицеры полка не могли успокоить бушующее солдатское море и в целях предосторожности держались в стороне от казармы. Получилось впечатление бессилия белой власти. Только вмешательство ген. Айронсайда дало возможность поддержать «авторитет» белогвардейского режима. Чрезвычайно характерно, что ген. Марушевский сведения о происшествии в полку получил от Айронсайда, до этого он оставался в полной уверенности в отношении исполнения приказа солдатами. Этот факт говорит о том, что интервенты были теснее связаны с массами, чем их русские коллеги. Для Марушевского, представителя русской власти на Севере, получился большой конфуз. Нужно было принимать самому решительные меры, чтобы предупредить вооруженное вмешательство в конфликт интервентов. Был дан приказ приготовиться к обстрелу Архангелогородских казарм пулеметной школе и бомбометной команде, укоплектованным конечно из надежных людей. Последним действительно предстояло начать ис-

полнение приказа о расстреле восставших солдат, так как они отказывались вести какие бы то ни было переговоры с командным составом. С первыми выстрелами бомбометов пришла и развязка событий. Солдаты стали бросать оружие и выбегали на казарменный плац выстраиваться. Стрельба прекратилась, и началась генеральная расправа над обезоруженными. Марушевский приказал потребовать зачинщиков, а в случае неисполнения этого расстрелять каждого десятого из солдат, стоявших в шеренгах.

Зачинщики были выданы; их набралось 13 человек. Всех их было приказано расстрелять без всякого предварительного суда. Организация этого дела не обошлась без содействия англичан, Айронсайд дал два взвода английских солдат, которые должны были сопровождать русскую полуроту 1-го Архангелогородского полка, предназначенную для расстрела зачинщиков. Военно-полицейские обязанности интервенты вообще выполняли не за страх, а за совесть. И в данном случае, сами присутствуя на месте казни, они создавали видимость силы, которая способна лишить жизни кого угодно и когда угодно. 13 человек были расстреляны. Роты, предназначенные на фронт, выступили.

На этом и закончился первый стихийный солдатский протест (Марушевский в специальном объявлении к населению называет это «небольшим недоразумением»), красной ракетой пронесшийся по черному небосклону белого Архангельска.

Расстрел тринадцати был первым случаем применения смертной казни такой большой группы солдат на русском Севере. Интересно, что эта внесудебная расправа Айронсайда и Марушевского была проведена совершенно независимо от Временного правительства. Если Марушевский о восстании был предупрежден Айронсайдом, то Чайковский известие о расстреле получил только через два часа от Марушевского, во время его доклада правительству. Это дополнительная иллюстрация к тому положению, которое создалось на русском Севере, к тем взаимоотношениям, которые определяли роли интервентов, русского генералитета и лиц, подобных Чайковскому. Оберегать до поры до времени правительство от всех «жизненных неприятностей» — такова была задача Айронсайда и Марушевского; покрывать все начинания дорогих союзников и военных соотечественников — такова была обязанность правительства. В этом деле Чайковский преуспевал раньше; не оказался он в хвосте и теперь. После некоторого недоумения Чайковского по поводу такой быстрой внесудебной расправы правительство одобрило совершившийся факт и тем самым зачислило себя в список непосредственных виновников гибели тринадцати солдат.

Восстание 11 декабря было роковым предзнаменованием для всего белого дела на Севере. В первую очередь оно внушало очень много сомнений и мало надежд на успех начавшейся военной работы. Дальновиднейшие из врагов не могли не видеть своей гибели

в случае ухода интервентов близорукие радовались количеству призванных под ружье. История с 1-м Архангелогородским полком говорит как раз о том, как количество может незаметно перерастать в некоторое политическое качество, правда далеко не выдержанное, не закаленное, не боеспособное. Понадобилось время, чтобы рост классового самосознания явился производным от воцарившейся на Севере диктатуры интервентов. Через некоторое время пример архангельских солдат был повторен во многих других частях, но с несколько иными результатами.

В широкой мобилизации, в большом пространстве, занятом объединенной контрреволюцией, в самой природе белого режима крылись признаки его поражения. Только классово враждебные советской власти элементы могли на время поддержать белое движение на Севере. Марушевский уделял большое внимание партизанским формированиям из кулачества. Такими очагами кулацкого партизанского движения явилось село Тарасово, долина реки Средь-Мехреньги и район р. Пинеги. Вскоре подняли голову кулаки в долине реки Онеги, под Шенкурском, в долине реки Печоры. Все эти кулацкие гнезда снабжались оружием, огнеприпасами, продовольствием. В качестве организующей силы посылались офицеры.

Кулаки партизаны были единственно верной и до поры до времени надежной опорой северной контрреволюции. Поэтому при оценке военной деятельности северного правительства в конце 1918 г. необходимо

иметь в виду, что если мобилизация пяти возрастов дала порядочное количество белых солдат, ненадежных и не отличавшихся боеспособностью, то кулацкое партизанское движение проходило под знаком обострения классовой борьбы в деревне. Кулаки своей активностью поддержали белый Север, но решить борьбу они, конечно были бессильны. Партизанские отряды с момента своего зарождения строились на основе классового отбора и действительно представляли собою военную организацию класса эксплоататоров. Белая же армия Севера, комплектовавшаяся на основе широких мобилизаций, только должна была являться классовым оружием, но в действительности таковым по своему характеру не была, так как содержала в себе самые разнородные элементы. Это однако не помешало интервентам и русскому генералитету использовать этот несовершенный инструмент против Советской республики. Общие результаты, как известно, получились не в пользу белогвардейщины.

Таков был характер военной политики белого правительства на Севере. Но успех работы зависел не столько от русского правительства, сколько от союзников. Они на русском Севере чувствовали себя полными хозяевами и стоило им сделать самые незначительные усилия, чтобы любое мероприятие правительства немедленно провалилось. В отношении армии необходимо отметить, что зависимость ее от интервентов являлась наиболее полной. Все дело военно-технического снабжения и снабжения продовольствием

ем находилось в руках англичан, у так называемого «отделения снабжений» при штабе главнокомандующего союзными силами на русском Севере, во главе которого стоял английский ген. Ниддэм. Русским патриотам приходилось неоднократно обивать пороги этого интенданта, чтобы получить кое-что для мобилизуемой армии. Под союзническим контролем находились также различные военные школы, открытые их попечением в гор. Архангельске. Учащимися в таких школах — пехотной, артиллерийской, пулеметной, бомбометной и телеграфной — являлись русские офицеры, как не нашедшие применения своим знаниям, так и просто желавшие отсиживаться в тылу. Попытки ген. Марушевского ввести в школах русский контроль не увенчались успехом, так как англичане с большой подозрительностью относились к педагогическим способностям русских белогвардейцев.

Таким образом все отрасли военного дела, фронт и тыл находились в полном и непосредственном ведении интервентов. Отсюда военная работа временного правительства Северной области сводилась к техническому выполнению тех задач, которые ставились союзниками. Правительство просто было доверенным лицом у империалистов, да и то далеко не во всех делах, касавшихся даже внутреннего положения оккупированного района. Вмешательства во внутренние дела, несмотря на официальное заявление, имели место на каждом шагу. Наиболее авторитетным учреждением интервентов являлась их контрразведка,

так называемый «военный контроль». При помощи этих щупальцев союзники всегда получали свежую информацию о тех или других событиях, о настроении населения, солдат, офицеров и самого правительства. Административное управление краем фактически исходило именно из недр «военного контроля», облекаясь по пути к населению в форму постановления временного правительства области. Ген. Марушевский откровенно признается, что «военный контроль» имел чисто политическое значение, для чего обладал «громадными правами по лишению свободы кого угодно и когда угодно».

Личный состав служащих контрразведки был подобран весьма тщательно. Там работали офицеры английской и французской армий, знавшие Россию и владевшие в совершенстве русским языком. Это учреждение должно было оберегать интересы союзников вообще, на деле же в рамках его велась глухая, но упорная взаимная борьба империалистических клик. Английские интересы защищались полковником Торнхиллом, французские — графом Люберсаком. Осведомленность этих лиц была поразительна, так как целый клубок разнообразных нитей находился в их руках. И в то же время, помимо общей сыскной службы по большевистской крамоле, англичане и французы тщательно следили друг за другом. Этот усовершенствованный аппарат контрразведки был настолько чувствителен, что вся жизнь русского Севéра, захваченного

интервентами, отражалась в нем с мельчайшими подробностями.

Неудивительно, что в этих условиях так называемая «законодательная» деятельность правительства в области всех внутренних вопросов, начиная с военного, носила характер простой регистрации всего того, что считалось нужным и полезным для интервентов. Ни одного сложного вопроса не могло разрешить правительство самостоятельно. Все зависело от «доброй или злой» воли действительных господ положения. Наконец и по своему наименованию северное правительство как правительство временное к разрешению основных политических вопросов подходило с большой осторожностью, откладывая их до Учредительного собрания. Так например земельный вопрос, имевший все же не второстепенное значение для населения Северной области, оставался открытым. На Севере царил полный произвол интервентов, ничем не ограничиваемый русским белогвардейским правительством. Трудящееся население края на своем опыте убеждалось в том, что только диктатура пролетариата способна дать рабочим и крестьянам все богатства края и окончательно подавить сопротивление помещиков и капиталистов.

Неверие в продолжительность белого режима на Севере являлось характерной чертой для очень многих жителей Архангельска. Правительство не встречало ни сочувствия, ни поддержки в своей работе. Торгово-промышленные круги города занимались обращением

всех возможных средств в иностранную валюту и выкачивали ее за пределы русского Севера. Городская обывательщина тщательно следила за каждым слухом, радовалась и печалилась, спекулировала и пела хвалебные гимны союзникам.

Деревенская беднота и середнячество накапливали ненависть к белому режиму. Рабочие готовились к упорной борьбе.

Так проходил конец 1918 г. на русской северной окраине.

В январе 1919 г. в жизни белого лагеря произошли некоторые изменения. Премьер правительства Чайковский как единственный среди остальных министров «социалист» под благовидным предлогом отбыл в Париж, где вошел в состав так называемой русской делегации, представлявшей интересы всей русской контрреволюции. Его место занял лучший ученик и последователь, кадет Зубов. С отъездом Чайковского северное правительство надолго очистилось от назойливых «социалистов». Оно приняло ярко монархический оттенок и быстро скатывалось к установлению военной диктатуры русского генерала. Переворот адм. Колчака в Омске, произведенный 18 ноября 1918 г., в этом отношении дал неплохой урок. Любопытно, что когда в середине декабря северное правительство получило первую информацию о колчаковском перевороте, то Чайковский с большим недоумением стал спрашивать у своих коллег: не означает ли это событие гражданской войны в белом лагере?

Его попытались успокоить и заверить в таких выражениях, смысл которых заключался в том, что для русского Севера время повторения колчаковского переворота еще не наступило. Омские же события оправдывались тем соображением, что основной задачей всех русских белых армий является свержение советской власти и что во имя достижения этой цели необходимо предпринимать все доступные меры и пускать в ход все средства.

В такой постановке вопроса не трудно найти одобрение сентябрьским действиям группы Чаплина во время ареста верховного управления Северной области. И все же, несмотря на то, что в Архангельске отказались последовать примеру Омска — полностью воспроизвести ноябрьский насильственный разгон эсеро-меньшевиков,— временное правительство Северной области в январе 1919 г. избавилось мирным путем от последнего «социалиста».

Другое событие наступившего нового года относится за счет отъезда из Архангельска известного своей контрреволюционной деятельностью французского посла Нуланса. Равновесие англо-французской политики на русском Севере, поддерживаемое Нулансом, сразу нарушилось. Англичане получили перевес, они избавились от своего сильного конкурента, предупреждавшего их шаги в отношении заключения различных договоров на концессии и со своей стороны заботившегося об интересах французских капиталистов. Русское белогвардейское правительство ли-

шилось возможности играть в тех или других случаях на англо-французских противоречиях. Все вопросы решались уже исключительно англичанами, никем они не пересматривались и не изменялись. В Северной области с января 1919 г. установилась настоящая английская диктатура. Северное правительство очутилось лицом к лицу перед англичанами и должно было испытать на собственной шкуре колониальный режим английского империализма.

Вслед за Нулансом покинули Архангельск и другие дипломатические представители. Северная область освобождалась от авторитетов; оставались только антантовские солдаты.

Для укрепления русского белогвардейского лагеря в январе 1919 г. прибыло пополнение в лице ген. Миллера. Этот царский опричник получил функции генерал-губернатора и права главнокомандующего. После отъезда Чайковского Миллеру достался также отдел иностранных дел. После ухода англичан вся деятельность правительства была тесно связана с личностью Миллера. В общем с января 1919 г. «демократическая» эра сменилась монархической, а это совпало по времени с еще более обнаженной диктатурой на русском Севере английского империализма.

Конец января ознаменовался еще крупной победой Красной армии на северном фронте. Острый белогвардейский клин, разрезавший на две части расположение советских войск, в районе Шенкурска героическим ударом красноармейцев был вдавлен внутрь

оккупированной союзниками территории. Шенкурск стал советским городом. Эта победа усилила советский фронт, части получили большое количество военно-технического имущества и значительный запас продовольствия. Линия фронта стала выравниваться. Можно полагать, что шенкурская победа Красной армии сыграла далеко немаловажную роль в жизни северной контрреволюции. После этого белогвардейщина свое внимание обратила на единственно надежную силу — партизанские кулацкие отряды.

Февраль стал месяцем сбора добровольных пожертвований на нужды партизан. Однако подобная кампания не дала всего того, в чем так сильно нуждались белогвардейцы. Силы их хотя и возрастали количественно, в связи с продолжавшейся мобилизацией, но в качественном отношении их ценность с каждым новым днем поразительно уменьшалась. Нужны были экстренные меры белогвардейцев в деле подыскания новых, классово надежных сил для укрепления в первую очередь своего тыла. В начале марта 1919 г. зародилась идея создания «Национального ополчения Северной области», и недели через три по Архангельску уже разгуливали ополченцы со знаком жестяного креста на шапке (отсюда их название «крестики») и трехцветной повязкой на рукаве. Это были отборные в смысле их политического миросозерцания элементы. Зачисление в ополчение проходило исключительно по рекомендации так называемых домовых комитетов, составленных из домовладельцев. Город был разде-

лен на участки, и каждый участок поставлял своих людей. Все контрреволюционные элементы городского населения — судьи, прокуроры, купцы, чиновники, домовладельцы и т. п.— были зачислены в ряды национального ополчения. Даже воспитанники учебных заведений 17-18-летнего возраста вошли в состав новой организации и создали отдельную роту. По признанию Марушевского, национальное ополчение было «настоящей белой гвардией», которая вскоре имела около 4 000 чел. и взяла на себя караульную службу в городе. Ополченцы выполняли полицейские обязанности очень ревностно, и местная буржуазия не могла нарадоваться плодам своего организационного творчества.

Несколько иначе происходило формирование национального ополчения в Мурманском районе. Помощник генерал-губернатора Ермолов объявил там добровольную запись всех желавших вступить в ряды ополчения. Но от этого проекта он вскоре вынужден был отказаться и перейти к принудительным методам вербовки. В результате получилась такая военная организация, которая ничем не отличалась от белой северной армии и с другой стороны не имела тех качеств, которые были присущи архангельским ополченцам.

Буржуазное население Архангельска воспевало хвалебные гимны своим сынам. Устраивались парады, различные вечера, произносились торжественные речи. В то же самое время по городу частенько проносилась

специальная команда с броневиками и пулеметами на мотоциклетках, поражая своим ухарским видом городскую обывательщину. В целях предупреждения всяких неприятных случайностей белое командование разработало план борьбы с рабочими восстаниями против существующего режима. Население, не внушавшее доверия, было разоружено, все военные учреждения получили определенные задания. Краса и гордость белого движения — офицеры обязывались держать на дому заряженную винтовку с соответствующим запасом патронов.

В общем начало весны на белом Севере проходило под знаком гниения белогвардейщины на корню. Тыл постепенно разваливался, нравы изменялись, уверенность в победе над большевиками исчезала. Чувствовалось приближение рабочих волнений и разнузданного белого террора. Сторонники капиталистического порядка единственное спасение пока находили только в иноземных штыках.

Крупным происшествием того времени в жизни Архангельска необходимо считать события, связанные с ознаменованием на рабочих собраниях второй годовщины Февральской революции. Правительство запретило всякие собрания, связанные с юбилейной датой. Однако совет профессиональных союзов и городская дума взяли на себя инициативу в этом деле. Здесь сказалась наиболее ярко враждебность двух течений в одних и тех же рамках белого движения на Севере. Демократическая, мелкобуржуазная контрреволюция,

возглавляемая эсеро-меньшевиками, объективно работала на буржуазию, но субъективно она считала себя врагом монархистов и крупной торгово-промышленной буржуазии. Приближение юбилея буржуазной Февральско-мартовской революции вскрыло эту оборотную сторону служения «социалистов» капиталистам. Монархическое северное правительство, эсеро-меньшевистский совет профессиональных союзов и мелкобуржуазная городская дума показали не только свое классовое лицо, но приподняли завесу над историческими судьбами гражданской войны в России и различных антисоветских течений.

12 марта 1919 г. на судостроительном заводе (ныне «Красная кузница») днем состоялось торжественное заседание рабочих, которых собралось более тысячи человек. Настроение было чрезвычайно приподнятое; английская колониальная политика и разгул русских монархистов вызвали взрыв негодования и ненависти, призывали на решительную революционную борьбу. Рабочая масса бурлила; она дала правильную оценку событиям, предшествовавшим оккупации края, полностью разоблачила «социалистических» слуг мировой контрреволюции. Такая атмосфера не могла не сказаться и на поведении некоторых видных меньшевиков.

На собрании с большими речами выступило несколько человек, которые призывали массы на борьбу за власть советов. Вечером того же дня состоялось бурное и многолюдное заседание городской думы. Там

также раздавались революционные речи и горячие призывы к борьбе.

События 12 марта вскрыли уже подгнившие корни белой власти. Буржуазия и интервенты насторожились. Белогвардейщина решила каленым железом пройтись по спинам трудящихся масс города и деревни. Начались повальные обыски, облавы, аресты, расстрелы. Всякое свободное слово воспринималось как посягательство на власть интервентов. Выступавшая 12 марта на собраниях часть меньшевиков получила по 15 лет каторги, другие поселение, а один большевик, привлеченный в связи с этим делом, Теснанов, председатель союза транспортников, был подвергнут смертной казни.

Рабочие и частично солдаты загорались желанием немедленного вооруженного выступления. Однако неорганизованные выступления были бы наруку только врагу, который получал возможность разбить восставших по частям. Поэтому подпольная большевистская организация выступила с горячим призывом к рабочим отказаться от немедленных выступлений и переключить внимание и энергию на дело лучшей организации своих сил.

Большевистское подполье на Севере вписало славную страницу в историю гражданской войны. Героическая группа коммунистов глубоко вспахала почву Севера. От искр агитации и пропаганды загорелось вскоре пламя. Хотя очень немногим удалось сохранить свою жизнь и встретить приход победоносной Красной

армии в Архангельск, все же работа их в условиях белого террора принесла большие плоды.

Зарождение подполья относится к концу 1918 г. Вокруг одиночек коммунистов стали быстро сколачиваться ячейки единомышленников из среды рабочих. Наиболее видной ячейкой была группа председателя союза транспортников Теснанова. Вскоре встал вопрос об объединении всех существовавших ячеек в одну общую организацию. В ноябре 1918 г. на квартире Теснанова собралось около 15 коммунистов, поделившихся между собою различными сведениями. Общим итогом была организационная слабость подполья, на почве чего на совещании раздавались голоса за применение террористических методов борьбы с интервентами и русскими белогвардейцами. Но большинство собравшихся отклонило эту мысль как совершенно неправильную, нецелесообразную и решило завоевать на свою сторону массы рабочих, крестьян и солдат. Кроме этого совещание постановило связаться с Советской Россией и избрало партийный комитет. Объединение отдельных ячеек оживило работу. В организации насчитывалось около 40 чел., вовлеченных в активную работу, но помимо этого были еще на учете лица, сочувствовавшие и содействовавшие подпольной работе.

Недостатком большевистского подполья являлось недостаточное овладение конспирацией. Продолжительность существования подпольной организации обусловливалась больше случайностью или помощью рабочих, чем искусной конспирацией непосредствен-

ных работников подполья. Правда, были конспиративные квартиры для свиданий, ночевок и выполнения какой-нибудь срочной работы, но все они выбирались недостаточно продуманно (исключительно среди бедноты на окраине города). Организация остро ощущала денежный кризис, для преодоления которого была предпринята не увенчавшаяся успехом попытка печатать на литографском камне «чайковки» — денежные знаки северного правительства. Было налажено дело заготовки нелегальных паспортов и оборудована типография. Первая прокламация подпольного большевистского комитета появилась в свет в январе 1919 г. в количестве около 500 экз. В ней рассказывалось об ужасном положении арестованных, расправах белогвардейцев и т. п. Распространена она была в Архангельске и Соломбале. Была установлена связь и с Советской Россией. В Вологду прибыл активный работник организации, член комитета М. Боев, и сделал там подробный доклад о работе подполья. После этого с деньгами и инструкциями он снова перешел линию фронта и вернулся в Архангельск. После его приезда было собрание активных членов организации, постановившее усилить массовую работу среди рабочих и в войсках и переизбравшее партийный комитет.

На этом февральском расширенном собрании были даны клички всем товарищам и строжайше запрещено было обращаться друг к другу по фамилии.

Привезенные Боевым деньги, около 2 000 руб. в переводе на золотую валюту, были использованы на ока-

зание помощи арестованным, на приобретение оружия, агитационные цели.

Работа подполья закипела. Типография дооборудовалась и выпускала уже прокламации (две в феврале и одну в марте) тиражом до 3 000 экз. На прокламациях ставилась печать с надписью: «Архангельский исполнительный комитет коммунистической партии (большевиков)». Содержание прокламаций было большевистски выдержанное; в них делался призыв к организации всех сил и к соблюдению революционной дисциплины. В обращении ко всем мобилизуемым давался совет брать винтовки и ожидать «нужного» момента для выступления против власти интервентов и белогвардейцев, т. е. выступать тогда, когда призовет к этому коммунистическое подполье.

Прокламации распространялись очень широко в тылу и на фронте, среди солдат, моряков, рабочих, расклеивались в Архангельске, Маймаксе, Соломбале, на Быку и в ближайших деревнях. Везде находились добровольцы по распространению большевистских листовок. Солдаты находили их под своими матрацами и подушками и охотно читали.

Влияние большевистской агитации было большое, так как силой вещей сам белогвардейский режим умножал количество сторонников советской власти. Занятие Красной армией Шенкурска еще больше подлило масла в огонь. Основной задачей для подпольной организации считалось укрепление самосознания масс и решительное предупреждение преждевременных выступле-

ний. Но когда совет профессиональных союзов и городская дума в вопросе о праздновании юбилея Февральской революции встали в оппозицию к правительству и решили провести большое собрание рабочих, то партийный комитет подполья решил принять участие в этих митингах. Основным мотивом при таком решении являлось желание пойти вместе с массой, учесть ее настроение и затем повести за своими лозунгами. Результаты событий 12 марта лишний раз показали непригодность тех форм, в которых эти события проходили. Белогвардейщине не стоило никакого труда разгромить революционно настроенных рабочих, рискнувших так открыто и свободно высказываться о своем положении.

Вскоре после 12 марта коммунистическое подполье Архангельска стало переживать один удар за другим. В марте белые арестовали группу подпольщиков на тральщике, стоявшем в Соломбале. В числе арестованных был член партийного комитета, радиотелеграфист Иванов, при помощи которого подпольная организация имела возможность сноситься по радиотелеграфу с Советской Россией. Радиотелеграммы посылались довольно часто, преимущественно военного характера. Арест Иванова, с которым держал связь М. Боев, был большой утратой для подполья. Затем был арестован Теснанов и целый ряд других активных партийцев. В начале апреля погиб Боев, которого выследили шпики и пытались арестовать. Боеву удалось бежать, но на следующий же день он снова подвергся нападению и

расстреляв все патроны, последней пулей покончил с собой. Почти каждый новый день вырывал из рядов коммунистической подпольной организации людей. Организация была разгромлена, арестованные подвергались нечеловеческим истязаниям, а затем расстрелу. Только единицам удалось переправиться через фронт в Советскую Россию.

В целях получения еще больших результатов от своей поистине карательной работы белогвардейцы использовали хитрый прием обмана доверчивости всех тех, кто сочувствовал советской власти. В апреле 1919 г. ген. Марушевский, который считал, что нужно проявлять «известного рода изобретательность в средствах борьбы», издал приказ, в котором предлагалось всем желающим переехать в Советскую Россию подать заявление с соответствующей мотивировкой. Откликнулось на этот вызов несколько тысяч человек; сам автор приказа по скромному подсчету насчитывает 5-6 тысяч пожелавших покинуть пределы пораженного контрреволюцией края. Абсолютное большинство их действительно сочувствовало советской власти, но перебраться на ее территорию удалось далеко не всем. Многие попали за свою откровенную отзывчивость за тюремную решетку, не мало погибло во время перехода линии фронта от пуль «любезно» провожавших белогвардейцев.

Белая власть беспощадно расправлялась с подпольщиками и революционными рабочими, пытаясь таким путем укрепить свое положение в крае. Расстрелы ста-

ли обычным явлением. В день международного праздника 1 Мая белогвардейцы расправились с 11 товарищами, активно работавшими в большевистском подполье. Оставшиеся еще в живых проявляли большевистское мужество в тюрьмах, организовывали побеги, сохраняли самообладание в последние минуты жизни.

С ноября 1918 г. и до мая 1919 г. просуществовало большевистское подполье на белом Севере. Срок небольшой, а условия работы чрезвычайно трудные. С мая 1919 г. и до февраля 1920 г. на Севере уже не было коммунистической организации. И все же, несмотря на это, второй период был периодом развязывания всех революционных сил края, периодом массового стихийного движения против английской диктатуры и русской белогвардейщины. Это произошло в значительной степени благодаря той предварительной, черновой работе, которую проделали одиночки-герои из рядов ленинской партии. В последующих летних восстаниях белых полков нужно видеть запоздалый отклик на февральские призывы беззаветных героев подполья. Они, эти самоотверженные бойцы за социалистическую революцию, идя на верную смерть, широкими штрихами набрасывали в своих прокламациях контуры того счастливого для трудящихся дня, когда красное знамя будет победно реять над всем северным краем России. Во имя этого светлого будущего поднимали оружие против своих классовых врагов и белые солдаты.

ГЛАВА IV

НА ПУТЯХ К ПОБЕДЕ

Летние восстания солдат северной белой армии.— Политическое состояние союзнических войск.— Земско-городское совещание. — Эвакуация интервентов.— Результаты английского господства на русском Севере.— Дело Шекльтона.— Миллеровщина.— Архангельское губернское земское собрание в феврале 1920 г.— Февральские восстания белых солдат.— Наступление 6-й советской армии.— Занятия Красной армией Архангельска.— Восстание в Мурманске.— Следы господства интервентов и белогвардейцев на Севере.— Итоги борьбы за Север.

В марте численность белой армии превышала 15 тысяч штыков и сабель. Белое командование приступило к организации полков из тех отдельных рот, которые сколачивались на фронте. Строился гигант на глиняных ногах. Контрреволюция упивалась кровью и наслаждалась мучениями тюремных узников. Разрабатывались грандиозные планы военных операций на фронте в целях установить взаимодействие с армиями адмирала Колчака. В конце марта 1919 г. была послана 1-я сибирская экспедиция для связи с восточной контр революцией. В числе путешественников кроме русских были 3 английских сержанта и 2 французских унтер-офицера. Экспедиция была снабжена всем необходимым

и весь путь проделала на оленях. Двигаясь в направлении на Чардань, группа белогвардейцев вошла в соприкосновение с правофланговым корпусом колчаковского фронта. Были получены и первые сведения о положении Колчака, которые рассеяли все надежды северных белогвардейцев на восточную контрреволюцию.

Вскоре в Архангельск прибыл посланец из штаба Колчака, а 30 апреля правительство решило официально объявить о своем признании и подчинении власти верховного правителя адм. Колчака. В Сибирь для связи был послан один из членов северного правительства.

Английское командование составляло проекты глубоких операций вверх по Северной Двине, в районе Котласа в целях соединения с Колчаком. Из Англии для Колчака шли транспорты с военными запасами.

Кроме этого ожидалось прибытие двух добровольческих английских бригад для участия в северодвинской операции.

Все это могло питать радужные надежды на успех белого дела. Однако каждое из этих событий имело свою оборотную сторону. В теплые летние месяцы зашевелилась, забурлила мобилизованная солдатская масса. Белая армия русского Севера затрещала по всем своим швам. Офицерские скрепы от сильного напряжения живого солдатского тела не выдерживали и лопались.

Большевистская агитация и пропаганда находили живой отклик в сердцах солдатских масс. Фронт белогвардейщины стал сотрясаться от раскатов стихийных солдатских восстаний.

Май 1919 г. после долгих месяцев относительного затишья принес первые сведения о восстаниях. В Тулгасе, на Северной Двине восстали 2 батальона 3-го стрелкового полка, в котором оказались в качестве бойцов пленные красноармейцы. Батальон перебил часть офицеров и перешел на сторону красных. Через несколько дней восстал 8-й стрелковый полк белых, расположенный в Пинеге. Здесь восстание началось с уничтожения офицеров. В подавлении восстания принимали активное участие верхнепинежские кулаки, партизаны, жестоко расправлявшиеся с восставшими солдатами. В ночь на 7 июля 1919 г. вспыхнуло восстание в так называемом (по имени его создателя) Дайеровском полку, расположенном на северодвинском фронте.

Полк этот был целиком укомплектован пленными красноармейцами, выбор из среды которых производили англичане и даже сам генерал Айронсайд.

Снабжение и вооружение полка было образцовым; англичане не жалели средств и сил для кающихся красноармейцев. Но как только дайеровцы оказались на северодвинском фронте, англичане должны были пережить такой сюрприз, которого они вовсе не предвидели: восстание разразилось с молниеносной быстротой.

Нападению восставших подверглись в первую очередь офицеры, семь человек из которых, в том числе и англичане, были убиты. Затем восставшие перешли линию фронта на сторону красных. Операция противника на Котлас для соединения с Колчаком была неудачна и потеряла свой смысл, так как восточная контрреволюция в то время переживала уже свои предсмертные месяцы.

За дайеровцами через несколько дней, 22 июля, последовал 5-й стрелковый полк в районе Онеги, укомплектованный онежскими крестьянами. Белое командование имело некоторые косвенные данные о неблагополучном положении в этом полку и послало одного генерала для ревизии. Результаты обследования оказались благоприятными, и в приказе по армии выражалась благодарность командиру полка за «блестящее» состояние его части.

Прошло несколько дней, и весь полк взбунтовался; офицеры частью были перебиты, частью сами застрелились. Командира полка полковника Михеева, чинов штаба и некоторых офицеров восставшие захватили с собой при переходе через фронт и передали в руки Красной армии. Подготовлялось крупное восстание и в 6-м белом полку на ст. Обозерской. Благодаря срочно принятым мерам со стороны офицеров восставшим удалось захватить только несколько блокгаузов и то на время. Против восставших были двинуты союзнические войска — отряд австралийцев, рота французского иностранного легиона и польская рота, которые

совместными усилиями «водворили порядок». Попутно белогвардейцы предупредили восстание в 7-м стрелковом полку, расположенном в Селецком районе.

Там была обнаружена организация заговорщиков, подготавливавшая восстание, но не успевшая осуществить свой план.

Такова картина вооруженных восстаний в северной белой армии. Вполне понятно отсюда, каково было политико-моральное состояние белых частей. Степень их боеспособности определялась наличием среди рядовой массы решительных и политически сознательных представителей рабочих и беднейших крестьян Северной области. Большевистская агитация покоряла умы и менее сознательных солдат, охотно шедших за своими вожаками. Именно поэтому раз начавшееся восстание принимало черты стихийного явления со всеми положительными и отрицательными сторонами.

При лучшей организации восстаний, их единовременности результаты были бы решающими для всего белого Севера. Но и в том виде, как эти восстания проходили в действительности, они сыграли громадную роль в деле разрушения созданного интервентами фронта.

Они знаменовали собой рост классового самосознания северных крестьян-бедняков, усвоение ими большевистских идей, окончательное определение симпатий в сторону диктатуры пролетариата. Северная бе-

лая армия захлебнулась не только обширным пространством, но и призванной крестьянской массой. Классово надежные силы контрреволюции растворились в мобилизованной массе. Северная армия стала гнить изнутри; классовые противоречия выливались наружу и принимали форму стихийных вооруженных восстаний.

Попутно с этим необходимо сказать о движении красных партизан в Карело-Мурманском крае, которое во второй половине 1919 г. частенько беспокоило белогвардейцев и интервентов. 23 сентября группа красных партизан из отряда Иванена (бывшего комиссара финской красной гвардии во время революции в Финляндии) целиком разгромила английский отряд полковника Смола у дер. Кольвицы. Эти товарищи в течение лета 1919 г. бежали из Александровской тюрьмы и в августе создали инициативную группу партизанского отряда, который вскоре имел 47 чел. Штаб отряда располагался в дер. Кольвицы. 5 октября восстали крестьяне и рыбаки Княжьей губы. Из-за отсутствия руководства это восстание было жестоко подавлено сводным белым отрядом в составе роты 9-го Северного стрелкового полка, бронеотряда, взвода рабочей роты и сербского отряда, под общим командованием подполковника Судакова. 8 октября 18 восставших княжегубцев были расстреляны у ограды местной церкви, при чем священник церкви принимал активное участие в этом деле. После разгрома партизан Княжьей губы отряд Судакова прошелся по всему

Терскому побережью, 15 октября сжег базу красных партизан Иванена — дер. Кольвицы, выполнял карательные функции по всей линии Мурманской железной дороги.

7 октября 1919 г. партизаны из отряда Иванена произвели взрывы мостов в районе реки Белой и жел.-дор. станции Охта-Конда, но через несколько дней, после сожжения Кольвицы, отряд вынужден был разойтись; часть бойцов сумела переправиться через фронт к красным, часть попала в руки белогвардейцев. Много из них было казнено и посажено в тюрьмы. Сам Иванен также попал в плен, был ранен и выдан белофиннам.

Солдатские восстания на Архангельском фронте и партизанское красное движение в Карело-Мурманском крае звали к себе на помощь Красную армию.

6-я Красная армия не замедлила воспользоваться выгодами, предоставленными ей волей восставших белых солдат. Город Онега и Чекуевский район были заняты красноармейцами. Стратегическое положение белых ухудшилось. Сухопутная связь с Мурманом была прервана. Кроме этого оказался совершенно открытым онежский фронт через Красногорское на Архангельск.

Восстания белых полков приобретали крупный политический характер. Постоянно соприкасаясь с иностранными отрядами, русские солдаты могли сыграть революционизирующую роль. Опыт, накопленный союзниками на фронтах гражданской войны в России, в

особенности во время французского десанта на юге Советской России в зиму 1918/19 г. (восстание французских моряков), заставил северных интервентов заранее призадуматься над вопросом о дальнейшей боеспособности своих солдат. Кой-какие тревожные признаки уже были налицо. Так например в конце марта 1919 г. во время переброски с Мурмана на Онегу (Чекуево-Обозерская) для укрепления селецкого района, Иоркширского полка английской пехоты англичане устроили митинг и вынесли решение об отказе воевать. Английское командование для предупреждения открытого бунта обратилось с просьбой к русскому полковнику Михееву выставить на тракте несколько пулеметов.

Среди рядовой массы американцев и французов также раздавались голоса за прекращение борьбы против советской власти.

Были случаи самовольного оставления частями позиций и возвращения в Архангельск.

По рукам иностранных солдат ходили анонимные воззвания с революционным содержанием, кое-где создавались подпольные ячейки. Процессу классового самосознания помогало еще и то обстоятельство, что иностранным солдатам часто приходилось ютиться в избах местного деревенского населения совместно с крестьянскими семьями и видеть их ужасающую бедность. В этих условиях росла ненависть к отечественной буржуазии, пославшей их так далеко за пределы родины.

Из-за боязни открытого возмущения иностранных солдат правительства держав Антанты, имевших свои войска на русском Севере, стали выносить постановления об эвакуации. К этому их принудило и рабочее движение в Западной Европе, решительно и настойчиво требовавшее немедленного вывода союзнических войск из пределов Советской республики.

Американские войска первыми покинули Беломорское побережье. За ними вскоре последовали остальные союзнические отряды, за исключением английских. За все время своего пребывания на Севере, с сентября 1918 г. до июня 1919 г., американские солдаты принимали активное участие в боевых операциях на фронте, содействуя укреплению белой власти. Боевые потери исчислялись в 244 убитых и 305 раненых. За американцами следовала очередь англичан. В Архангельск вскоре прибыл генерал лорд Роулинсон, который должен был ведать делом эвакуации. Вопрос об этом был решен окончательно; предстояла практическая работа. Английское командование в целях обеспечения планомерной эвакуации и для создания ложной видимости об укреплении фронта предприняло в августе и сентябре 1919 г. активные действия против Красной армии. В этих операциях приняли участие прибывшие из Англии две бригады английских добровольцев, специально навербованных для русского Севера. Бригады прибыли в Архангельск на двух пароходах Русского добровольного флота «Царь» и «Царица» и затем были переброшены на северодвинский

участок фронта. Здесь был нанесен первый удар по Красной армии при чем успех был на стороне противника. Красноармейские части были отброшены далеко назад в котласском направлении до селений Тотьма и Пучега. Соотношение сил было на стороне противника, однако от развития дальнейших успехов англичане отказались.

Наступил момент, когда русские белогвардейцы получили официальное подтверждение своих опасений. Англичане предложили им эвакуироваться на другие фронты гражданской войны в России. Только теперь стало ясно поведение Айронсайда, так много и открыто говорившего о предстоящих военных операциях. Кровь застывала в жилах у многих белых вождей, которым уже мерещилась фигура гиганта-победителя в форме красноармейца. В белом стане началась паника. Шло совещание за совещанием. Айронсайд был настолько любезен, что предложил тоннаж на 14 000 белогвардейцев и лично сам настаивал на совместной эвакуации. Фронтовое офицерство во главе с Марушевским, с начала августа оказавшимся не у дел, всемерно ратовало за принятие предложения англичан. Другая группа белогвардейцев во главе с главнокомандующим ген. Миллером высказывалось за продолжение борьбы своими силами. Точка зрения последних победила.

Обывательщина Архангельска также стала проявлять политическую активность. Чувствуя скорое приближение грозы, выступили с идеей создания единого

антибольшевистского фронта, одобренной англичанами, прозябавшие несколько месяцев демократические элементы. Штаб Миллера сочувственно отнесся к такому голосу «представителей народа» и одобрил созыв так называемого земско-городского совещания. Кроме этого в состав правительства было решено ввести «элементы общественности в лице городского и земского самоуправления». Буржуазный состав северных министров снова разбавлялся демократами.

Земско-городское совещание открылось 20 августа. Много там было трескотни революционных фраз; специалисты этого дела, эсеры, чувствовали себя именинниками. Совещание присоединилось к мнению Миллера, высказавшись за продолжение борьбы с большевиками.

В специально выпущенном воззвании к армии говорилось о Всероссийском учредительном собрании, необходимости сохранения дисциплины и давался призыв крепче держать в руках винтовку.

Состав правительства был реорганизован в связи с теми пожеланиями, которые были высказаны на совещании. В правительство, в дополнение к Миллеру (военно-морские и иностранные дела), Зубову (юстиция и земледелие) и Федорову, народнику-социалисту (народное просвещение), вошли городовой голова Багриновский (внутренние дела), инженер Цапенко (отдел труда) и без портфелей эсеры: председатель губернской земской управы Скоморохов и член той же управы Едовин.

Таким образом, в течение первых дней работа земско-городского совещания протекала вполне удовлетворительно; поддержка правительству оказана и агитация среди солдат начата. Можно было ожидать дружного сотрудничества буржуазии с «социалистами». Но вскоре начались неприятности для Миллера. Совещание вдруг потребовало политической амнистии для лиц, как осужденных по суду, так и административно заключенных. Понятно, что здесь речь шла далеко не о всех заключенных, и не о большевиках, как об этом пишет полевой военный прокурор Северной области С. Добровольский, а о тех, кто по ошибке попал за большевизм в тюрьму. Другими словами, совещание пыталось освободить своих единомышленников, людей с антисоветскими взглядами, но попавшихся в белые тюрьмы за какую-нибудь неосторожность в применении революционных фраз. Требование совещания сильно обеспокоило правительство; оно хотело успокоить страсти земцев, но успеха не имело. Совещание постановило категорически настаивать на амнистии и не расходиться, пока она не будет дана. Требование это было однако отвергнуто с тем, что освобождение заключенных будет проходить персонально, а земско-городское совещание было объявлено распущенным. На этом инцидент и закончился бы, так как демократы не решались оказывать правительству сопротивление, но на сцену выступил местный пролетариат. Как пишет тот же Добровольский, «рабочие не склонны были к таким половинчатым решениям» и 1 сентября 1919 г. объяви-

ли политическую забастовку. Забастовкой руководил специально выделенный стачечный комитет, куда вошли председатель и члены совета профессиональных союзов. В изданных прокламациях рабочие требовали политической амнистии, прекращения гражданской войны, отмены смертной казни и военно-полевых судов. Дело принимало скверный оборот еще и потому, что в это время начались активные операции белых на фронте, а забастовавшие портовые рабочие отказались грузить баржу артиллерийскими снарядами, предназначавшуюся для отправки на фронт. Для ликвидации забастовки в целом белогвардейцы пустили в ход силу, арестовали «виновных» и послали на Печору. Помогали в этом деле и эсеры, осуждавшие забастовку.

Вся эта история имеет весьма поучительное значение. Она говорит о том, что рабочие массы освободились от соглашательского угара, организованно и самостоятельно выступая на борьбу против буржуазной диктатуры с политическими требованиями.

Военная диктатура, переживая неприятность в связи с уходом англичан и рабочим выступлением, распоясалась во-всю; происходили массовые аресты, высылки партий заложников за границу; формировалась на всякий случай специальная офицерская пулеметная рота.

Тем временем англичане спешно готовились к эвакуации. Вскоре появились объявления Айронсайда к жителям города с предложением покинуть область вместе с союзниками и с указанием на то, что англий-

ское командование снимает с себя всякую ответственность за безопасность остающихся. Это вызвало панику в городе; многие стали готовиться к отъезду. Но другие не хотели терять надежду на будущее. Буржуазным населением города было решено послать специальную делегацию в Лондон с целью добиться отмены эвакуации англичан с севера России. Делегация была составлена из представителей различных политических партий, в том числе и эсеров. В сентябре она выехала в Лондон, покружилась там и, встретив недоверие к себе англичан, ни с чем вернулась в ноябре обратно.

Во имя спасения погибающего белого режима выступило с призывом и архангельское духовное воинство. Оно снарядило специального делегата, протоиерея Лелюхина, к «его высокопреосвященству митрополиту Англии, архиепископу Кентерберийскому». В заготовленном обращении на имя архиепископа целый ряд попов и верующих во главе с управляющим архангельской епархией епископом Павлом выражал надежду, что «английские христиане, проникнутые желанием помочь своим братьям, скажут своему правительству, что теперь еще преждевременно лишать братской помощи Северную область». Этому документу из области внешней поповской политики целиком соответствовала фантастическая выдумка попов, предназначенная для внутреннего употребления. В августе стал распространяться по городу слух о том, что группа детей от 10 до 13 лет видела над городом богоро-

дицу с младенцем Христом на руках. Этот «случай» был подробно описан в форме специально составленного попами акта на страницах архангельских «Епархиальных ведомостей».

Усилия духовенства не имели успеха. Архиепископ Кентерберийский не улучшил перспектив белого движения на Севере. Английские войска стягивались постепенно в Архангельск и эвакуировались на родину. Свои богатые склады снаряжения и обмундирования англичане передали белогвардейцам, а остатки военного снаряжения, автомобили, оружие, снаряды и т. п. на сотни тысяч фунтов стерлингов потопили в С. Двине. Все участки фронта занимались частями северной белой армии, которая обязана была к тому же для прикрытия эвакуации интервентов продолжать активные боевые действия. Миллер решил сосредоточить свои силы на вологодском и онежском направлениях и с начала сентября ударил вдоль железнодорожной линии Архангельск — Вологда. Успех и на этот раз был на стороне противника. Станция Плесецкая, а затем и город Онега были оставлены Красной армией. Силы русских белогвардейцев, достигавшие до 25 тысяч штыков и сабель, превышали боевую численность 6-й советской армии. Пополнений последняя не получала и всю тяжесть кампании выносила на своих плечах.

27 сентября 1919 г. из Архангельска ушел последний транспорт английских войск, 1 октября они очистили и Мурманск. Потери незваных гостей были все же немалые; только за время с июня по ноябрь 1919 г. они

выражались в 874 чел. умерших, раненых, пропавших без вести и пленных, в том числе 57 офицеров. Конец 1918 г. и 1919-й год безусловно приумножили эти данные о боевых потерях английского империализма на Беломорском побережье. Общие затраты Англии на различные виды вооружения, приходившего на северный фронт через Мурманск и Архангельск, по данным великобританского военного министерства выражались в сумме 52 100 000 рублей. Кроме этого было еще и другие крупные расходы. Английское правительство на один Мурманский край непосредственно в 1918 г. истратило 13 800 000 и в 1919 г. 22 082 896 руб. Всего на Мурманский край таким образом пошло 35 882 896 руб. Разумеется интервенты в убытке не остались. Правда, основной цели, во имя которой была провозглашена вооруженная интервенция против Советской республики, они не достигли: РСФСР продолжала оставаться незыблемой крепостью диктатуры пролетариата. Что же касается произведенных английской буржуазией расходов по укреплению северного антисоветского фронта, то она с избытком возместила их. Все то, что могло интересовать Англию, было вывезено за границу. Разного сырья, льна, леса, пушнины, смолы и т. п. англичане вывезли на 50 144 000 руб. Кроме того очень много вывозилось контрабандным путем и не было учтено.

Английские хищники не стесняясь грабили богатства русского Севера. Помимо открытых форм насильственного вывоза экспортных товаров из архангельских

складов, английские империалисты предприняли шаги к долголетнему закреплению своего влияния на русском Севере. Громкую известность приобрело дело английского исследователя полярных стран Шекльтона, посягавшего на богатства Мурманского края. Экономическое значение Мурманска как незамерзающего порта и края, как резервуара неисчислимых природных богатств учитывалось всеми врагами Советской России и в первую очередь английским империализмом. Шекльтон от имени своих «деловых друзей» в Англии в апреле 1919 г. обратился со специальным письмом на имя помощника генерал-губернатора на Мурмане Ермолова, в котором заявлял о своем желании образовать общество для развития и эксплоатации Александровского и даже Кемского районов русского Севера. Условия Шекльтона были тщательно разработаны; в них были предусмотрены все возможности по максимальной эксплоатации края. Наиболее характерным пунктом всех условий было то, что срок концессии устанавливался на 99 лет. Шекльтон имел в виду заполучить на такое время несколько участков в районе города Мурманска и некоторую часть побережья. Кроме этого, испрашивались преиущественные права: 1) на постройку набережных и доков; 2) монопольное право исследования всей области в пределах Александровского и Кемского уездов сроком на 5 лет; 3) на закрепление за обществом всех минеральных месторождений; 4) на прокладку железнодорожной магистрали к ближайшему удобному морскому берегу или порту;

5) на очистку рек и порогов; 6) на приобретение железнодорожной линии Мурманск — Сорока по минимальной цене в случае ее возможной продажи; 7) на приобретение по желанию всяких лесопильных заводов в случае их продажи; 8) на постройку рыбных станций и ловли рыбы и т. п.

В случае принятия всех условий Шекльтон обещал немедленно приступить к отправке на Мурман добавочного продовольствия и предметов первой необходимости. Общество по эксплоатации Мурманского края обещало носить частный характер и состоять из лиц с хорошей деловой и финансовой репутацией. Денежная состоятельность общества ориентировочно определялась капиталом до двух миллионов фунтов стерлингов.

Таковы были притязания на далекую северную окраину России.

Чрезвычайная смелость постановки вопроса о концессии не обескуражила однако северных белогвардейцев. Генерал-губернатор всей Северной области ген. Миллер практически подошел к сделанному предложению. 7 июня 1919 г. английский бригадный генерал Уелш по поручению Шекльтона сообщал Миллеру и его помощнику по Мурманскому краю о том, что Шекльтон образовал на одобренных Миллером основаниях компанию из представителей крупной английской буржуазии с неограниченными средствами, при чем эта компания не скрывала, что она преследует развитие исключительно британских интересов. Одновременно

сообщалось, что директором-распорядителем компании в России избран сам Шекльтон, выехавший с экспертами в Мурманск.

Дальнейшему развитию успехов предприимчивых английских буржуа помешал французский империализм. Если Нуланс в бытность свою в Архангельске следил за каждым шагом Англии и плел свою паутину различных тайных соглашений с северным правительством, то и после его от'езда Франция не выпускала из поля своего зрения английских конкурентов. В отношении дела Шекльтона это выразилось в том, что 9 апреля 1919 г., т. е. задолго до рассмотрения проекта Миллера, французский поверенный в делах в Архангельске Гияр в письме на имя одного из министров северного правительства опротестовал самый характер возбужденного англичанами вопроса. Он указал, что французское правительство отказывается признавать действительность концессий, которые были или могли бы быть испрошены у правительства Северной области, и что белогвардейское правительство в связи с этим должно заранее учесть те «неудобства», которые могут проистечь для заитересованных лиц. Это дипломатическое предупреждение свидетельствует о силе империалистических противоречий между двумя мировыми разбойниками.

С уходом британских войск закончился период диктатуры английских империалистов, на смену которой пришла диктатура русской буржуазии в лице белогвардейца Миллера. Миллеровщина вступила в свои

права. Попытки к созданию единого антисоветского фронта, предпринятые буржуазией и демократами, не достигли желанных результатов. Демократическая эра была весьма непродолжительна, гораздо короче политической жизни Верховного управления Северной области во главе с Чайковским. Скоморохов и Едовин через несколько дней, убедившись в том, что правительство это есть совещательный орган при Миллере, вышли из состава его. На основании полученного от Колчака «положения об управлении Северным краем» миллеровцы занялись реорганизацией всего административного управления области. Сущность работы заключалась в передаче всех полномочий правительства одному лицу — главнокомандующему. Правительство в составе всех своих так называемых отделов (министерств) низводилось до степени технического аппарата при военном диктаторе; председатель правительства получал функции помощника главного начальника края (каковым являлся главнокомандующий Миллер) по гражданской части. Все законодательные дела должны были рассматриваться на совете при Миллере, состоящем из управляющих отделами и некоторых других «высокопоставленных» лиц.

Проведение этой реформы прошло не вполне гладко. Были сомнения в целесообразности подобных мероприятий, высказывались определенные сомнения относительно авторитетности миннистров правительства Колчака, творцов полученных Миллером инструкций. Войска последнего в то время катились в глубь Си-

бири, преследуемые Красной армией, и участь их была безнадежна.

Несмотря на трудности, реформа была проведена. Диктатура Миллера являлась миниатюрным воспроизведением диктатуры Колчака. Режим в Северной области от этого мало чем изменился. Трудящееся население находилось попрежнему под тяжелым прессом контрреволюционной власти. Тюрьмы были переполнены «политически неблагонадежными», зверства тюремщиков достигали высшего предела, но развязка близилась. Предсмертные судороги северной контрреволюции совпадали с последними днями и минутами жизни несчастных узников. Озверелое черносотенное офицерство встало на путь террора даже в отношении «государственно мыслящих элементов» из демократии. На сцену вновь появились чаплинцы, эти неукротимые рыцари монархизма. Сам же диктатор, в предвидении всяких возможных неприятностей, оградил себя от «попечимого» его заботами народа сильным отрядом солдат, специально навербованных в Дании. Этот отряд наемных убийц с большим трудом пробирался через Норвегию, совершая походы по ночам, так как норвежские рабочие, узнав о его назначении, решили его не пропускать.

Но параллельно этим мерам «укрепления» белого режима шел и другой процесс, процесс гниения всех тканей северной контрреволюции. Миллеровщина на второй же день после своего рождения как единственное и полновластное буржуазно-помещичье течение

выродилась в военную диктатуру с голыми формами принуждения. Получилась как бы подклассовая надстройка в том смысле, что даже местные торгово-промышленные круги буржуазии стали до некоторой степени жертвой генеральской диктатуры. Валютные затруднения заставили Миллера пойти по пути нарушения освященного веками принципа частной собственности: был издан приказ о немедленной сдаче архангельскими спекулянтами-экспортерами иностранной валюты. В дополнение к этому разрабатывался проект о правительственном регулировании всей внешней торговли. Неудивительно, что после этого архангельская буржуазия взвыла, как зверь, ужаленный острой стрелой. Со стороны же местной демократии по адресу правительства сыпались упреки в пассивности власти. Политическая атмосфера настолько сгустилась, что в конце января 1920 г. члены правительства во главе с Зубовым под предлогом «чрезмерного переутомления» сочли за благо отказаться от высокого звания и вручили свои портфели Миллеру.

В этой обстановке вновь подняла голову демократическая, мелкобуржуазная контрреволюция. Снова эсеро-меньшевики составляли рецепты спасения белого режима. С фронта стали прибывать к Миллеру делегации, преимущественно от партизанских кулацких частей, с требованием принять срочные меры к упорядочению тыла. Диктатура не оказалась на высоте своего положения. Больше чем когда бы то ни было ей противостояло беднейшее крестьянство и местный про-

летариат. Тровожное настроение все более усиливалось, устойчивость фронта представлялась видимостью уже несколько дней. Миллеру ничего больше не оставалось, как, скрепя сердце, обратиться за содействием к «государственно мыслящим» демократам. Курс был взят на оппозицию с целью привлечения ее к спасению гибнущего дела. Однако такая вынужденная уступчивость была далеко не беспредельной. В переговорах с местными лидерами эсеров Миллер предлагал только два, притом совершенно пустых, портфеля в кабинете — народного просвещения и агитации. Питалась надежда на то, что эсеры силой своего красноречия мобилизуют настроение масс, укрепят тыл, увеличат боеспособность фронта. Но последние на этот раз оказались не особенно сговорчивыми, не видя соответствующей компенсации за требуемую от них работу. Переговоры затянулись, а лидеры решили открыто посоветоваться со своими единомышленниками.

3 февраля 1920 г. открылось архангельское губернское земское собрание под председательством Скоморохова. Мелкая и средняя буржуазия города и деревни послала своих делегатов на это собрание. Политическую физиономию делегатов отражали преимущественно эсеры. Собрание проходило чрезвычайно бурно, языки у всех были настолько развязаны, насколько позволяли только физические возможности. Долгое молчание породило горячую потребность в свободном высказывании своего мнения о правительстве, о самом диктаторе, о большевиках, предстоящей раз-

вязке событий и т. д. По тому, как разгорелись страсти присутствующих делегатов, можно сказать, что это земское собрание было последней бурной и далеко не веселящей по своим мотивам симфонией белого Севера, сыгранной демократической контрреволюцией.

Раздавались даже отдельные голоса за мирную капитуляцию перед большевиками, но они тонули в общем реве оборонцев.

Первое заседание 3 февраля закончилось принятием резолюции о том, чтобы новое правительство области было подотчетно народу и впредь до созыва представительного органа подчинялось губернскому земскому собранию , которому кстати и поручалось сформировать правительство в новом составе.

В заседании от 5 февраля было вынесено решение и по другому, смежному вопросу — входить или не входить в состав существующего правительства. Большинство оказалось на той точке зрения, чтобы «в правительство не входить, так как этим самым была бы взята ответственность за все то, что было совершено в Северной области». Отсюда видно, что оборонческие взгляды в первые дни работы земского собрания еще шли по руслу оппозиции к существующему порядку. Причины этого явления кроются в том, что рабочий класс и беднейшее крестьянство, за спиной которых протекала работа земцев, не только не были намерены поддержать тонущий корабль северной белогвардейщины, но единственный выход из положения видели в скорейшем

разгроме контрреволюции и в восстановлении советской власти.

Для Миллера подобная история была полной неожиданностью. Будучи повинным в созыве губернского земского собрания, он был поставлен перед необходимостью сломить сопротивление демократов.

Не имея никакой поддержки со стороны трудящихся масс и переживая буквально последние дни своей политической жизни, миллеровщина должна была во что бы то ни стало уломать нравы и урезать разгоревшиеся аппетиты демократов. Миллер ничего лучшего не мог придумать по своему положению «всесильного» диктатора, как явиться на заседание земского собрания и выступить с большой речью. Все свое красноречие потратил он на то, чтобы убедить земцев отказаться от своего «революционного» постановления, которое, мол, только опорачивает авторитет белой власти, и принять непосредственное участие в обороне края.

Усилия Миллера привели к положительным результатам. Земское собрание не поскупилось принять еще одну резолюцию осуждающую революционные методы борьбы и одновременно с этим указывавшую на то, что по вопросу о правительстве демократы будут договариваться с Миллером. Такая быстрая перемена взглядов земцев была вызвана быстрым ходом событий, предвещавших крах белой власти на Севере. Через несколько дней были получены сведения о восстании в одном из лучших белых полков и победоносном наступлении Красной армии. Миллеровщина стала

менее требовательной в отношении к демократам и пошла на несколько большие уступки земскому собранию. Последнее под влиянием уже начавшейся катастрофы на фронте обрело в себе сильную ненависть к большевизму и любовь к белому режиму. Сразу была забыта та грызня, которая разделяла интересы мелкой и крупной буржуазии. Вооруженное кулачество (партизаны), сильно представленное своими делегатами на земском собрании, и слышать не хотело о капитуляции перед наступающим большевизмом. Дальнейшая работа земцев пошла уже определенно по линии установления совместного сотрудничества с миллеровщиной.

10 февраля 1920 г. было достигнуто обоюдное соглашение, и обновленное правительство приступило к работе. Состав его был следующий: военный министр и управляющий иностранными делами — ген. Миллер, управляющий внутренними делами — барон Тизенгаузен, управляющий финансами — А. Репман, управляющий народным просвещением — доктор Б. Соколов (соц.-рев.), без портфелей — А. Иванов (соц.-рев.) и доктор Попов. В первых воззваниях правительства говорилось о его непримиримости к советской власти и необходимости защиты края. Однако попутно с этим правительство, называвшееся правительством спасения, стало особенно интересоваться положением дела с эвакуацией. На заседаниях, происходивших ежедневно и иногда по несколько раз, поднимался этот вопрос, но никакого удовлетворительного разрешения он не полу-

чил, так что Миллер считал эвакуацию функцией исключительно военных властей. План эвакуации, составленный штабом главнокомандующего, страдал целым рядом промахов, имея в виду планомерное отступление частей северной армии на Мурман, так как недостаток тоннажа не позволял произвести эвакуацию морем. Несмотря на подобные качества плана, правительство не имело возможности внести в него соответствующие изменения. По существу новое правительство, как и прежнее, являлось простым придатком к диктатору, который за спиной правительства разрешал все принципиальные вопросы. Это помимо дел внутренних (эвакуационных) выразилось еще в том, что Миллер самостоятельно вел и «внешнюю» политику: он обменялся радиотелеграммами с членом реввоенсовета 6-й армии Н. Н. Кузьминым, предложившим мирную ликвидацию фронта, а также обратился за содействием к лорду Керзону быть посредником в переговорах с большевиками. Подробности всей этой истории некоторые члены правительства узнали только тогда, когда разгром северной контрреволюции стал совершившимся фактом.

В общем правительство спасения явилось следствием известного колебания военной диктатуры и крупной буржуазии, вызванного кризисным положением белого движения на Севере. Миллеровщина пыталась найти опору среди демократов, получила согласие на совместное сотрудничество, но сама со сцены политической борьбы не сошла. Это и породило то положение, в котором очутилось северное правительство февральского

состава, являвшееся только благовидным прикрытием военной диктатуры. Февральская ширма должна была продлить жизнь северной контрреволюции, создать видимость единого противобольшевистского фронта. Но время для этого было слишком ограничено. Неизбежное расхождение интересов мелкой и крупной буржуазии в процессе относительно длительного сотрудничества в управлении краем, наглядно демонстрированное в истории прошлых белых правительств Северной области, в феврале 1920 г. получило другое направление: вместо более или менее отдаленной перспективы обострения взаимоотношений между двумя полюсами буржуазии оно заменилось гибелью всего контрреволюционного северного предприятия в целом.

Правительство спасения обязывалось спасти миллеровщину, но оно не спасло ее и не могло спасти. Большевизация местного пролетариата и беднейшего крестьянства стала таким действенным фактором, который сводил на-нет все оборонческие попытки и реакционеров и демократов. Северная контрреволюция получила столько времени, сколько нужно было для классового осознания своих интересов северным крестьянством и рабочим населением.

В погоне за боевыми успехами, за сильной собственной армией контрреволюция Севера захлебнулась в рабоче-крестьянской массе; созданная ею армия не стала защищать классовых интересов буржуазии и с поразительной быстротой в февральские морозные дни стала таять под лучами тех идей, которые воодуше-

вляли красноармейские полки и делали их непобедимыми.

Февраль 1920 г. вошел в историю борьбы за Север как месяц триумфального шествия Красной армии к Беломорскому и Мурманскому побережью.

Выше указывалось о состоянии советских частей после сдачи Архангельска интервентам, об организации фронта, о создании 6-й красной армии и шенкурской операции.

Весь остальной период времени, с февраля 1919 по февраль 1920 г., проходил в мелких по преимуществу стычках с противником.

6-я армия, имевшая 1-ю, 54-ю и 18-ю стрелковые дивизии, первая из которых стояла на мурманском направлении, вторая на архангельском железнодорожном, третья — на шенкурском, преследовала только исключительно задачи обороны, изредка перераставшие в боевые наступательные операции в отдельных направлениях. В общем боевые действия на Северном фронте до февраля 1920 г. носили чисто местный характер, характер борьбы за отдельные населенные пункты. В сведении операций на Северном фронте к операций второстепенного значения и заключалась большая заслуга 6-й армии. К немедленному решительному удару в 1919 г. по северным центрам контрреволюции, с целью окончательной ликвидации ее, 6-я армия не была подготовлена. Боевая численность красноармейских частей не находилась в соответсвии с силами противника. К августу 1919 г., к моменту

боевой активности врага соотношение сил сторон было таково: архангельская группа белосоюзных войск имела 32 000 бойцов, мурманская 14 000, сила же 6-й армии выражалась цифрой, не превышавшей 22 700 бойцов. Только после ухода интервентов из Архангельска и Мурманска соотношение сил изменилось в пользу Красной армии. К концу 1919 г. северная белая армия, впитавшая в себя по мобилизации возрастные контингенты до 52-летнего возраста, имела 23 130 штыков, 460 сабел, 346 пулеметов, 127 легких и 40 тяжелых орудий. Но это был колосс на глинянных ногах. 6-я армия, имея в количественном отношении приблизительно столько же, сколько северная армия, резко отличалась качеством своих бойцов.

Вышеприведенные данные о боевом составе 6-й армии целиком отражали политику и стратегию Советского государства. Северный фронт не представлял такой угрозы республике, как другие фронты — Восточный и Южный. Все свободные резервы и средства военной техники шли на укрепление наиболее опасных фронтов. Коммунистическая партия и советское правительство искусно выбирали наиболее слабое, наиболее угрожающее звено из всей цепи. Мощные удары Красной армии направлялись туда, откуда буржуазно-помещичья контрреволюция пыталась нацелиться на сердце страны — Москву, и уже имела в этом отношении некоторые успехи (Колчак в марте 1919 г., Деникин осенью 1919 г.). Северный фронт был предоставлен самому себе в смысле самостоятельного развития

событий, при чем здесь вырисовывается чрезвычайно любопытная картина: 6-я армия, слабая в количестве, но сильная по качеству, выжидала того благоприятного момента, когда ее оборонительные качества должны были незаметно перерасти в решающее наступательное преимущество. И такой момент действительно назрел.

Начало 1920 г. ознаменовалось общим улучшением военного положения республики. Колчак в то время уже сидел в иркутской тюрьме и его воинство доживало последние дни. Борьба с Деникиным перенеслась на территорию Кубани. Юденич, наступавший в октябре 1919 г. на Петроград, был окончательно разбит, и 2 февраля 1920 г. Советская республика заключила мирный договор с Эстонией, первый мирный договор в советской истории. Все это совпало с обострением процесса внутреннего гниения северной контрреволюции. Борьба различных течений в глубоком тылу по вопросу о методах спасения белого дела в феврале 1920 г. дополнилась новым взрывом массовых стихийных восстаний солдат, сделавших последние усилия для того, чтобы разорвать тот военный узел, который завязала северная контрреволюция.

В ночь на 8 февраля 1920 г. два батальона 3-го пехотного полка, расположенные на фронтовом участке от железной дороги до р. Онеги, подняли восстание и перешли на советскую сторону. 13 февраля взбунтовался белый гарнизон сел. Средь-Мехреньги, состоявший из двух рот при 4 орудиях, который тоже перешел на сторону Красной армии. Главнейшие операци-

онные направления остались открытыми, и вот тут-то пришла очередь совершить героический поход частям 6-й армии. Наступление развивалось под лозунгом окончательного уничтожения белогвардейщины на Севере. Красноармейцы, воодушевляемые примером коммунистов, командного и политического состава, ринулись в бой. С 8 по 15 февраля все три главных участка фронта противника были разгромлены; путь на Архангельск и Онегу оказался расчищенным. Преодолевая тяжелые климатические условия, при 38-градусном морозе и плохом обмундировании, бойцы собственными силами тащили по глубоким снежным сугробам орудия и уверенно продвигались к Архангельску. Белая рать при отступлении производила серьезные разрушения, пепелищами устилала она свой последний путь.

В это время в Архангельске были кошмарные для белогвардейщины дни, рушилось все их здание, гибли все их надежды. Одни уповали на заграничную жизнь и с любовью взирали на море, другие были заняты самокритикой, — производили переоценку не оправдавших себя ценностей. Северные министры стали политическими банкротами, генералы — полной военной бездарностью, и те и другие как части единого контрреволюционного целого — освобожденными от исполнения своих прямых классовых обязанностей на территории России и свободной наемной силой для мировой буржуазии.

До 14 февраля существовала уверенность в незыблемости существующего порядка вещей; штаб главно-

командующего заверял, что ничего угрожающего нет и что «спешить особенно некуда». А на следующий день поднялась неимоверная паника; все показное спокойствие, все величие обремененных государственной властью лиц заменилось растерянным и скрытым взглядом мелкого торгаша. Во всех военно-тыловых учреждениях воцарилась суетня; искали подводы, погружали, сжигали архивы и поспешно оставляли пределы Архангельска. Наконец был издан приказ об эвакуации.

Строевые части из Архангельска должны были начать эвакуацию 19 февраля; с войсками должны были отступать и все боеспособные офицеры. Миллер с правительством решил связать свою судьбу с войсками и отходить вместе с ними.

17 февраля на обсуждение праительства был поставлен вопрос о преемниках власти. Положение было уже настолько определившимся, что добровольцев не находилось. Ни городская дума, ни земство, ни другие демократические организации не решались взять власть в свои руки. Как правильно замечает не удавшийся северный министр Б. Соколов, эти организации «достаточно были замешаны в антибольшевистском движении» и с ними «не стали бы считаться большевистски настроенные массы». Выходом из положения была передача власти местному совету профессиональных союзов, председатель которого (меньшевик Бечин) и некоторые члены правления в начале 1919 г. за выступления в связи с юбилеем Февральской революции были осуждены на каторгу.

Такое предложение было принято, и 18 февраля состоялось совместное заседание совета профсоюзов и правительства под председательством Миллера. Последний сделал информацию об оставлении «по непредвиденным обстоятельствам» города и необходимости мирной его передачи в «красные руки». Делегация совета профсоюзов согласилась взять власть на условиях, что никто из членов правления профсоюзов не будет арестован, что 19 февраля будет проведен целый ряд открытых митингов с призывом к мирному поведению и что в городе остается полковник Костанди в качестве исполняющего обязанности командующего Архангельским округом. Все эти условия были приняты, и тут же состоялось подписание соответствующего протокола. Правительство Миллера публично расписалось в своем бессилии. В последнем «литературном» произведении оно откровенно признало, что «яд большевистского разложения проник в умы нашей армии» и на призыв главнокомандующего о поддержке откликнулись только единицы.

19 февраля Миллер со штабом и правительством изменил свое прежнее решение итти вместе с войсками, сел на ледокол «Минин» и пошел в море, имея в виду остановиться в Мурманске. Погрузка на ледокол «Минин» и яхту «Ярославну» происходила в таких условиях, которые совершенно не способствовали организованной эвакуации. Главным распорядителем эвакуации являлся небезызвестный Чаплин со своей компанией. Суда были забиты штабными — сухопутными и мор-

скими — офицерами, их семьями, архангельскими купцами; о своих же раненых забыли. С большим трудом удалось все же перевезти раненых на суда. В самую последнюю минуту был принят на борт забытый в спешке отряд датчан, составлявший личную охрану Миллера, а затем и отряд танков, который появился на пристани уже во время отхода «Минина».

Не обошлось дело и без стрельбы, прощального салюта белогвардейщины. У Соломбалы находились два ледокола — «Канада» и «Сусанин», команды которых были большевистски настроены. «Минин» дал приказ им следовать за собой и, не получив ответа, «Ярославна» пустила несколько снарядов, разорвавшихся вокруг пристани и попавших в смежные с нею дома. На пристани толпилось много народа, в том числе и лица, не успевшие во-время сесть на уходящие суда. В ответ на орудийную стрельбу с «Ярославны» на пристани моментально появились пулеметы, с которых стали стрелять по эвакуирующимся. Прицел был взят метко: на «Минине» появились раненые, в том числе и офицеры. Наконец вдогонку был послан ледокол «Канада», но после безрезультатной перестрелки он ни с чем вернулся обратно. «Минин» вскоре должен был принять к себе на борт пассажиров с «Ярославны» и, битком набитый людьми, пошел по направлению к Мурманску, высадив на дороге одного экс-министра — Соколова, доставленного затем в советский Архангельск. Фронтовые части были брошены на произвол и должны были сами, собственным попечением, продвигаться на

Мурман, где неожиданно для себя попали в руки Красной армии.

В Архангельске на двое суток установилась власть эсеро-меньшевистского исполнительного комитета, созданного советом профессиональных союзов. Петров, председатель совета профессиональных союзов, объявил себя комиссаром города; командующим «Архангельским военным округом» был назначен полковник Костанди. Рабочая масса сохраняла полное спокойствие и с нетерпением ожидала прихода Красной армии. Крестьяне добросовестно доставляли в город «заблудившихся» белогвардейцев.

Командование 6-й армии, получив сведения о бегстве Миллера, потребовало прибытия на ст. Обозерская полковника Костанди и представителей профессиональных союзов, а 21 февраля красноармейские части 54-й дивизии вступили в Архангельск, установив там подлинную советскую власть.

В день занятия Архангельска Красной армией английский министр иностранных дел лорд Керзон по просьбе ген. Миллера послал советскому правительству странную радиотелеграмму. Основной смысл ее заключался в том, что Керзон предлагал свое посредничество в случае согласия советского правительства начать переговоры с ген. Миллером по вопросу о мирной капитуляции последнего. В качестве мотивировки предложения своих услуг Керзон прямо писал, что «правительство его величества больше года в широкой степени было ответственно за питание (? — *Н. К.*)

и общее благосостояние (?? —*Н. К.*) населения Северной области». Кого именно «питали» английские империалисты и о чьем благосостоянии они заботились, видно из той же телеграммы. Керзон специально оговаривает интересы зажиточных слоев населения, которые не должны-де пострадать после восстановления на Севере советской власти.

Английский империализм, лишенный возможности держать войска на русском Севере, таким образом, сделал дипломатическую попытку спасти от разгрома северную белогвардейщину. Но Керзон опоздал — ответ он получил от Красной армии.

Остатки разбитых белогвардейцев, численностью до 1000 чел., сухим путем двинулись на г. Онегу, имея в виду оттуда пробраться на Мурман и соединиться с имевшимися там белыми силами. Однако план этот провалился. В Мурманске 21 февраля была провозглашена советская власть. Командовавший войсками Мурманского района ген. Скобельцын, получив известие о перевороте в Мурманске, снялся с фронта и пошел к финляндской границе. Вследствие этого отступавший из-под Архангельска белогвардейский отряд, выйдя на ст. Сорока по Мурманской железной дороге, оказался «в гостях» у красных и был обезоружен.

Провозглашение советской власти в Мурманске произошло до прихода туда Красной армии. Жизнь белого Мурманска отличалась от Архангельской жизни своим спокойствием и провинциальной тишиной. Отдаленность края от фокуса политических событий созда-

вала наиболее благоприятные условия для распространения различных слухов. Достоверные сведения приобретали там силу колоссального воздействия на умы руководителей белогвардейщины. Фантастические слухи еще более выводили их из равновесия. Паника охватила все круги местной контрреволюции. Когда же был издан приказ, категорически запрещающий отъезд должностных лиц из края, то для паники не было никаких границ. Командированный Миллером в Мурманск для подготовки там приема эвакуировавшихся с фронта войск белогвардеец Белолюбский в первую очередь попытался обеспечить свою жизнь и удрал в Норвегию. 20 февраля белогвардейцы приступили к спешной погрузке на стоявшие в порту пароходы.

Тем временем в городе созревало восстание против белой власти. Подготовкой восстания руководил специальный комитет из представителей рабочих, моряков и некоторых военных частей. После получения известия о бегстве Миллера и всей его компании комитет постановил немедленно выступить. Главной вооруженной силой была комендантская команда, укомплектованная преимущественно из местного населения. Отряды же рабочих и моряков страдали от недостатка оружия. Противник располагал отрядом ополченцев — «крестиков», белой гражданской и военной милицией, представлявшей довольно серьезную боевую единицу. Несмотря на это, восстание было решено начать 21 февраля. В условленный час, по сигналу, началось выступление. Комендантская команда во главе со своим

начальником, одним из руководителей восстания, обезоружила чешский караул у складов оружия и стала вооружать прибывавших рабочих. В городе поднялась перестрелка; артиллерийские склады, управа Ермолова, управление порта, радиостанция Горелая Гора были заняты восставшими. Много белогвардейцев было уничтожено, еще больше попало в плен.

22 февраля днем состоялось общее собрание рабочих, солдат и моряков, на котором был избран временный исполнительный комитет и специальная комиссия по обороне.

Тут необходимо отметить, что несмотря на то, что в перевороте основную роль играли рабочие массы Мурманска, новый орган власти своим персональным составом далеко не отражал диктатуры пролетариата. В число членов и кандидатов временного исполнительного комитета вошли и такие элементы, которые принимали довольно видное участие в совместном сотрудничестве с интервентами. Эти бывшие люди судорожно хватались за власть, приняв в силу благоприятно сложившихся обстоятельств участие в восстании; они в то же время пытались придать особое направление деятельности комитета; в лучшем случае были просто темным пятном на новой власти. Мурманские «советские» традиции 1918 г. тянули назад кое-кого из участников февральских событий 1920 г. и только благодаря скорому приходу туда Красной армии республика получила впервые действительно настоящий советский Мурманск.

Основным моментом в мурманском восстании было то, что оно проходило под знаком массового стихийного движения местных рабочих. Самый факт восстания имел революционизирующее влияние на всю линию Мурманской железной дороги. Телеграф приносил радостные вести о свержении власти белых. Рабочие ст. Шонгуй телеграфировали «всем, всем, всем»: «Власть перешла к рабочим. Приветствуем временный исполнительный комитет. Готовы итти на борьбу с контрреволюцией.» Енгозеро, Кола поздравляли с победой; Боярская сообщала: «Красный флаг водружен»; Имандра: «Вчера, 21-го, в 22 часа свергли ненавистную старую власть, обезоружили всех солдат и добровольцев» и т. д.

23 февраля в Мурманске состоялось второе общегородское собрание рабочих Мурманска, решившее принять срочные меры по обороне, так как ходили слухи, что Миллер идет в Мурманск. Моментально была усилена береговая оборона, около города устроили засаду, наспех сколоченный отряд из добровольцев рабочих отправился из Мурманска по железной дороге на фронт против белогвардейцев.

Рабочая масса проявляла большое самопожертвование, город превратился в большой шумящий человеческий улей, захлестывался в волнах революционного энтузиазма, массового творчества и непреклонной решимости.

Миллер не удостоил Мурманска своим посещением и удрал в Норвегию. Захватить этого неудавшегося диктатора не удалось, но на мелкую рыбу был боль-

шой улов. Население края принимало живейшее участие по доставке беглецов в Мурманск.

Северный фронт белых к началу весенней распутицы был окончательно ликвидирован. 26 февраля Красная армия заняла г. Онегу, а 13 марта красноармейские части появились и на улицах Мурманска. Только в районе Ухтинской волости, в Карелии, остался очаг контрреволюции. Советская республика отстояла право владения Мурманским и Беломорским побережьем. Над территорией в 640 000 кв. километров с населением в 610 000 жителей взвился красный флаг.

Красный флаг, как символ пролитой рабочим классом и беднейшим крестьянством крови за дело освобождения от капиталистического ига, водруженный на русском Севере, имеет свое особое значение. Белый террор свирепствовал на всем Севере; каторжные тюрьмы уносили одну жертву за другой. Перед глазами Красной армии выросли сверхчеловеческие мучения тюремных узников, представилась кошмарная панорама расстрелов, истязаний, голодной смерти. Если население края страдало от недостатка продовольствия, то заключенные это испытывали в еще большей степени, переживая в полном смысле голод. Вся Северная область была превращена интервентами и русскими белогвардейцами в сплошную тюрьму; не было ни одного крупного населенного пункта, где не было бы застенка. В Архангельске арестованные сидели при контрразведке, милиции, в здании «Бегов» на мхах, в концентрационных лагерях на Быку и Бакарице, в кладо-

вых таможни, в комендантском управлении, на военной гауптвахте, в целом ряде военных карцеров и т. п. В одном Мурманске существовало пять тюрем, в которых содержалось около 1 000 чел. Кроме этого были устроены тюрьмы на Дровяном, где томилось свыше 200 узников, на скалистом Торос-острове, в Александровске, Печеньге и наконец на полуострове Иоканьга, вошедшем в историю северной контрреволюции под именем полуострова смерти. Там, в холодных, наспех построенных тюремных землянках томилось свыше 1 200 человек. Все эти застенки были переполнены сверх всякой нормы. В архангельской губернской тюрьме, в камере, рассчитанной на 30 чел., помещалось 120 чел.

Тюремное строительство развивалось форсированным темпом. Из-за недостатка жилищ строились землянки; заключенные сами разрывали песчано-каменистую почву, устраивали высокий земляной вал, обносили его колючей проволокой, рыли подземный склеп и затем садились на вновь отстроенную ссыльно-каторжную тюрьму. Но и это не могло удовлетворить запросов белогвардейщины. Количество арестованных по Мурману достигало таких размеров, что для их размещения вынуждены были уступить даже боевой крейсер «Чесма».

Не поддаются описанию условия жизни заключенных в каторжной тюрьме на острове Мудьюг, острове смерти. Подземные карцеры, совершенно не отопляемые, стали братской могилой для большинства заклю-

Остров Мудьюг

ченных. Только одиночки переносили такую жизнь, но и те выходили на свободу, покрытые страшными ранами и с отмороженными частями тела.

Страшно поверить, что 8,5% всего населения края, или 52 000 человек, было пропущено через тюрьмы. Но это факт, подтверждаемый официальными данными самих тюремщиков.

Издевательствам над заключенными не было предела. Их били, морили голодом, истязали, расстреливали. Люди теряли свой человеческий облик, ползали по грязному, заплеванному полу, отыскивая крошки сухарей; рылись в мусорных и помойных ямах, вытаскивая оттуда картофельную шелуху, селедочные головы и всякие другие отбросы. Среди заключенных начались повальные цынготные и другие заболевания, опухали нижние конечности, десны покрывались кровоточащими язвами, выпадали зубы. Военно-полевые суды и просто произвол отдельных тюремщиков вырывали из этой полуживой человеческой массы много жертв. Расстреливали всех, кто своим нежеланием подчиняться тюремному режиму и непримиримой враждебностью к белогвардейцам давал образец поведения революционера. Кой-где заключенные вырабатывали планы побега из тюрем. Провал заговора приводил, как правило, к смертной казни. Только в одном случае группе заключенных удалось совершить побег. 15 сентября 1919 г. бежало 52 человека. Они преодолели проволочные заграждения и внезапно напали на свою хорошо вооруженную стра-

жу численностью около 100 чел. Дальше предстояло найти средства переправы через так называемое Сухое море — пролив, отделяющий остров Мудьюг от материка, преодолеть населенные пункты, кишевшие белогвардейцами, прежде чем попасть на советскую территорию. Не всем бежавшим было по силам проделать от начала до конца весь этот героический побег. Из 60 чел. только 32 удалось на 15-е сутки выйти в район Пинеги и встретиться с красноармейской заставой. Остальные частью погибли в пути, частью попали снова в руки белогвардейцев.

Окончательное освобождение оставшихся в живых заключенных в северных белых тюрьмах принесла только победа Красной армии. С получением сведений о провозглашении советской власти в Архангельске и Мурманске арестованные Иоканьги и Печеньги арестовали своих тюремщиков и образовали исполкомы. Каждый новый день их после этого проходил в ожидании прихода из Мурманска пароходов за больными, изнемогающими людьми. Этот вопрос занимал все внимание несчастных узников; в скорейшем выезде из мест своего заключения они видели единственное спасение. Смертность к этому времени достигла страшных размеров. 7 февраля 1920 г. Иоканьга хоронила 36 чел., 9 февраля—14, 13 февраля—8, 16 февраля—2, 20 февраля—16, 25 февраля—21 чел., при чем вечером того же дня скончалось еще 4 человека. На пути к смерти находились 123 чел.; кроме них, еще было 280 чел. «чуть-чуть шевелящих руками».

На помощь иоканьгцам Мурманск отправил три парохода с медицинским персоналом и медикаментами. В городе к приему больных были приготовлены все больницы и помещения нескольких учреждений. Вернувшиеся пароходы привезли в Мурманск несколько сот полуживых людей и 24 трупа товарищей, скончавшихся уже в пути. Встреча прибывших была незабываемой картиной в жизни Мурманска. Волосы поднимались на голове, при виде этих человеческих теней. Все население города вышло к пристани, весь транспорт был мобилизован, так как почти никто не мог добраться сам до приготовленных больниц. С пристани до больниц тянулась страшная процессия: везли на повозках и несли на носилках худые, почерневшие человеческие тела. Сняли с парохода и 24 трупа погибших товарищей. Тюремщики во главе с начальником тюрьмы Судаковым также были доставлены в Мурманск и понесли заслуженное наказание.

10 марта 1920 г. Мурманск предавал земле останки всех погибших за дело рабочего класса. В центре города, на Площади свободы, выросла братская могила.

А 13 марта 1920 г. Мурманск, видавший с 1917 г. всякие виды, впервые встречал передовые отряды победоносной Красной армии, обеспечившие существование действительной советской власти в городе и крае.

Борьба с северной контрреволюцией закончилась победой Советской республики. С приходом Красной

армии в Архангельск и Мурманск создались все необходимые условия для восстановления нарушенной интервентами и белогвардейцами экономической жизни края. Следы от господства врага были настолько крупные, что советской власти пришлось долгие годы залечивать нанесенные Северу раны и восстанавливать разрушенное северное хозяйство.

По неполным подсчетам убытки Советского государства от господства контрреволюции на Севере равняются приблизительно 650 млн рублей золотом, в том числе крестьянство Севера понесло убытков на 70 млн рублей с лишним от зарезанного скота, оленей, реквизиций и т. п. С населения за время оккупации взыскано было различных налогов на 215 млн рублей. В Общество содействия жертвам интервенции СССР на 1 июля 1927 г. поступило 17 000 претензий от населения Севера. По своим потерям Архангельская губерния занимает третье место в ряду остальных районов республики (на первом месте стоит Воронежская губерния, на втором Калмыцкая область, на четвертом Крым и т. д.). 17% всего населения губернии потерпело убытки от оккупации.

Эти данные показывают, каково было экономическое состояние края при власти интервентов и русских белогвардейцев. Колониальная по формам своего проявления политика английского империализма со всей отчетливостью сказалась на хозяйственной жизни русского Севера. Ни оккупанты, ни белогвардейцы за время своего нахождения в крае не были заинтересованы

в его развитии. Их целью являлось подавление советской власти в России как путем прямой вооруженной борьбы, так и посредством разрыва России на отдельные части, что означало нарушение экономической жизни страны. В общем плане антисоветской борьбы все хлебные, угольные, нефтяные районы России были поражены контрреволюцией. В отношении же русского Севера английские империалисты поступали таким образом, чтобы отсюда можно было нанести кратчайший и решающий удар по центру Советской республики; когда же выяснилась тщетность всех подобных усилий, они занялись разрешением узко экономических вопросов.

Лесная полоса северной России представляла для них неисчерпаемый источник сырья.

Такое же отношение к экономике края было и со стороны русских белогвардейцев. Движимые крупными политическими целями, но не представляя собой окончательно сформировавшейся и до конца определившейся власти, они не могли быть заинтересованы в нормальной хозяйственной жизни всего занятого ими района в целом и разрешение целого ряда основных проблем откладывали до момента разгрома Советов.

Если иногда и уделялось внимание этим вопросам, то преимущественно для того, чтобы компенсировать расходы на антисоветскую борьбу интервентов. Разрушение экономической жизни края, парализация ее — таково было следствие господства объединенной контрреволюции.

Строителем новой жизни, непосредственно заинтересованным в восстановлении и дальнейшем развитии экономики края, был только пролетариат. Он умеет сокрушать старое, но с еще большей силой создает новое. Эти две задачи неразрывно были связаны в единое целое.

В этой связи находится и положение различных слоев населения края, соотношение классовых сил. Крупная местная торгово-промышленная буржуазия — опора белой власти — в области своей экономической деятельности была занята вопросами экспорта и игрой на иностранной валюте. Интервенты создавали для этого все необходимые предпосылки и эта деятельность была настолько интенсивной, что миллеровщине пришлось несколько обуздать аппетиты торгово-промышленников и финансистов и поставить даже вопрос чуть ли не о введении монополии внешней торговли. В общем же буржуазия не могла не быть довольна установившимся строем, так как ее интересы охранялись штыками белогвардейцев. Патриотические соображения отнюдь не нарушали тесного единения русской буржуазии с иностранной, а если кой-когда и создавали видимость разногласий и серьезных недовольств, то почти исключительно по линии коммерческой деятельности. Правда, внутренняя контрреволюция рассчитывала на гораздо большее взаимодействие с интервентами и не ожидала встретить тех конкретных форм колониального режима, которые принесли с собою на Север союзники. Но и с этим она мирилась

как с меньшим злом, чем диктатура пролетариата. Уход союзников с русского Севера поэтому не соответствовал планам местной буржуазии, он вызвал огромную волну протеста и холопских просьб, а затем, когда эвакуация все же состоялась, — разочарование в своей дальнейшей борьбе и неверие в силы своей действующей армии.

Все это сказалось и в области политической деятельности крупной буржуазии. Смена министров и руководства в лице Чайковского была классовым делом буржуазии. «Социалисты» при всем их желании не могли удовлетворить всех интересов крупной буржуазии; к тому же они являлись людьми с некоторым революционным прошлым. Симпатии к себе они могли привлекать в процессе подготовки интервенции, с установлением же прочной диктатуры интервентов русские «социалисты» не подходили к власти, нарушали общий колорит белого режима. Миллер, Зубов и др. были гораздо более приемлемы, чем Чайковский со своими соратниками. С отъездом Чайковского северное правительство стало плотью и кровью крупной буржуазии. Она сама, под прикрытием иностранных штыков, хотела творить суд и расправу, держать власть в своих руках. В трудные минуты жизни белого Севера буржуазия с умилением взирала на демократические круги, призывая их к совместному сотрудничеству.

Это не порочило крупную буржуазию, политика ее была вполне законченной, в общем и целом выдержанной. Торгово-промышленники русского Севера знали,

чего они хотели, шли к своей цели, шли с использованием услуг верных, но временных попутчиков.

Двойственное положение в истории северной (как и всякой другой) контрреволюции играла мелкая и средняя буржуазия города и деревни.

Оккупационный режим не давал ей, в силу ограниченной экономической ее мощности, тех выгод, которыми пользовалась крупная буржуазия. Родной стихией для мелкой буржуазии, точкой приложения ее сил была спекуляция, широкой волной разлившаяся по белому Северу. Только в этом могла проявляться мелкая частнохозяйственная инициатива, дававшая соответствующие материальные блага. Общим же явлением для нее была экономическая неуравновешенность, игра на трудностях экономического кризиса, а не на трудностях роста. Отсюда и в области политики была та довольна значительная кривая, та зигзагообразная линия поведения, которая демонстрировалась «социалистами». Блоки с реакционерами, реставраторами показывали степень их «государственной мудрости», свидетельствовали о желании «государственно мыслящих» элементов помочь в общем деле борьбы с пролетарской революцией. Расхождение интересов между двумя крылами буржуазии было опять-таки меньшим злом, чем противоречие с диктатурой пролетариата.

Положение беднейшего крестьянства Севера было таково, что оно не видело никакого для себя смысла в защите белого движения. Все отрицательные стороны власти интервентов и белогвардейцев во всей

своей совокупности давили на положение деревенской бедноты, страшно обостряли продовольственный кризис, делали ее политически бесправной, голодной, на все готовой массой.

Слой середняков Северного края, этого потребляющего района, заставляющего ежегодно уходить на отхожие промыслы, с точки зрения своего экономического благосостояния был заинтересован в скорейшем восстановлении нормальной хозяйственной жизни края и в дальнейшем форсированном развитии промышленности и промыслов. Экономическая разруха 1918 г. как следствие империалистической войны и обусловленная ею продовольственная политика советской власти толкали подчас середнячество на путь антисоветской борьбы совместно с кулаками. От союзников ожидалась серьезная помощь, на них возлагались надежды. Однако через непродолжительное время после оккупации края сказалась грубая ошибочность надежд, сильный просчет, и ориентация середнячества постепенно стала меняться. Сведения из Советской России о новом курсе внутренней политики, предполагающем тесный военно-политический союз пролетариата с средним крестьянством, окончательно определили политические симпатии основной массы северной деревни. Середнячество заняло линию пассивного поведения в отношении к белому движению; в армию шло только под давлением силы, от всяческой инициативы в деле укрепление белого фронта воздерживалось. Наконец состояние пассивности стало прорываться массовыми

стихийными восстаниями мобилизованных белых частей.

Кулачество сыграло видную роль в истории северной контрреволюции. Оно имело свои гнезда на Севере: шенкурское, тарасовское, пинежское, которые явились очагами партизанского кулацкого движения. В борьбе с советами на ряду с крупной буржуазией кулачество являлось надежной силой, опорой военной диктатуры интервентов и миллеровщины. Боеспособность северной белой армии многим обязана партизанам-кулакам. На них возлагали карательные функции, при их помощи генералы жестоко подавляли восстания белых частей и проводили ударные операции на фронте. Голос кулаков имел большой вес в штабе главнокомандующего Миллера и среди белых министров. Их делегаты принимали тесное участие и в составлении самих кабинетов.

За время господства белых на Севере произошла классовая диференциация деревни. Если при советской власти в 1918 г. она там только начиналась, то к 1920 г. политическое лицо северного крестьянства окончательно определилось. Кулачество защищало интересы белого дела и было опорой крупной буржуазии, Деревенская беднота и середнячество — опорой и союзницей советской власти.

За годы интервенции на Севере окончательно «вырос» и само определился пролетариат. Некоторые прослойки рабочих, шедшие в свое время за «социалистами», быстро стали осознавать ту пропасть, которая

проходит между пролетариатом и буржуазией и ее «социалистическими» агентами. От революционной фразеологии и демагогии эсеро-меньшевиков был проложен путь к классовому самосознанию. Месяцы белого режима выковали сплоченную силу местного пролетариата. Поход буржуазии на политические права рабочих Севера завершил начавшийся в 1918 г. процесс их большевизации. Конкретное проявление качественных сдвигов в рабочем классе выражалось весьма наглядно в забастовках и протестах. В дни ареста Верховного управления рабочие бастовали, выражая этим уже протест против политики мелкой и крупной буржуазии. В мартовские дни 1919 г., в связи с годовщиной Февральской революции, рабочая масса дышала гневом возмущения против интервентов и русских белогвардейцев. 1 сентября во время всеобщей стачки рабочие двинулись еще дальше, сделали еще скачок вперед, предъявив требование правительству о политической амнистии. Наконец частые забастовки во время эвакуации белых из Архангельска, передача Миллером власти в руки совета профсоюзов, вооруженный инцидент с бежавшими белогвардейцами, восстание рабочих в Мурманске — все это звенья единого процесса.

Судостроительные рабочие Соломбалы, железнодорожники Исакогорки, в свое время формировавшие отряды добровольцев для преследования отступивших из Архангельска советских частей, теперь изжили увлечение эсеро-меньшевиками. На судостроительном заводе Соломбалы в 1918 г. при советской власти мень-

шевики пользовались большим успехом, в марте 1919 г. при власти белых почти те же лица произносили зажигательные речи против установившегося порядка и за возвращение советской власти. Рабочая Соломбала в августе 1918 г. посылала вдогонку коммунистам боевой отряд, а в феврале 1920 г. она пулеметной дробью провожала суда с бегущими белогвардейцами. Рабочие Мурманска, объективно поддерживавшие творцов интервенции в 1918 г., в феврале 1920 г. с оружием в руках ликвидировали белогвардейщину.

Произошла крупная передвижка классовых сил. Изменилось лицо рабочих поселков Севера. Пожалуй только одна Маймакса с рабочими лесопильного производства имеет право гордиться своим устойчивым, твердым большевистским настроением. Она в 1918 г. поддерживала по мере возможности советскую власть в Архангельске, она с красными бойцами делила горечь временных поражений и радость решающих побед на фронте. Всем остальным крепкий большевизм привила сама контрреволюция, бесчисленными расстрелами и тюрьмами на островах смерти пытавшаяся остановить процесс завершения Октябрьской революции на Севере.

В 1917 г. летом один из видных лидеров английской буржуазии, Ллойд Джордж, по поводу положения России как-то сказал: «Россия ввергнута в глубокую пропасть, но союзники вытянут ее, хотя бы при помощи петли, на гору победы». Автор оказался неплохим пророком. С 1918 г. союзники действительно приступили

к серьезнейшей операции по завязыванию смертельной петли на шее Советского государства. Русский Север дал в этом отношении богатую сумму различных фактов, вскрывающих истинную цель интервентов. Задушить диктатуру пролетариата и вытянуть «на гору победы» российскую контрреволюцию — такова была цель вооруженной интервенции союзников. К достижению этой цели стремилась и северная белогвардейщина, вскормленная на хлебах интервентов. Весь двухлетний, с марта 1918 г. по февраль 1920 г., путь развития белого дела на русском Севере пронизан одной целеустремленностью, одной основной идеей.

Но в общем итоге оказалось, что на «гору победы» был вытянут не тот класс, ради которого старались интервенты и русские белогвардейцы. Произошло это потому, что в России происходила вооруженная схватка двух основных классов, один из которых защищал завоевания социалистической революции, другой пытался задержать поступательный ход истории. Российский пролетариат имел за собой поддержку бедняцкой и середняцкой массы деревни, рабочих всего мира; его силы все увеличивались; поражения учили искусной борьбе, победы закрепляли за ним союзников. Буржуазно-помещичья контрреволюция несла на своих знаменах восстановление старого строя, имела слабую классовую опору и колеблющихся мелкобуржуазных попутчиков, которых своими победами и своей политикой отбрасывала в лагерь пролетариата.

История северной контрреволюции вскрывает это со

всей наглядностью. Там сходились два течения внутренней контрреволюции — мелкобуржуазное и буржуазно-помещичье.

«Социалисты» честно служили белому знамени. Они работали в тесном контакте с махровыми представителями старого строя, совместно с ними готовились к торжественной встрече союзнических войск в русских северных портах. Они несколько раз затем предлагали свои услуги в целях спасения белой власти. Северное правительство отражало своим личным составом различные этапы внутренней жизни белогвардейщины.

Верховное управление Северной области, «социалисты», вершат политику и проявляет «государственную мудрость» в интересах интервентов. Но сентябрьская, далеко не частная, инициатива Чаплина и его группы была зловещим предзнаменованием дальнейшей участи «социалистического» кабинета Чайковского. Крупная буржуазия поднималась на борьбу со своими внутренними врагами.

Временное правительство Северной области в свой начальный период, с конца сентября 1918 г. по конец января 1919 г. — буржуазный кабинет скрывается под «социалистической» ширмой в лице своего премьера Чайковского.

Временное правительство с февраля по август 1919 г. — торгово-промышленники, творят политику, подчиняясь во всем своим английским гостям. Они усердно соревнуются с мелкой буржуазией в деле услужения интервентам.

Правительство в августе-сентябре 1919 г. — опять привлечение к сотрудничеству с белогвардейщиной «социалистов». Предстоящий уход англичан породил много паникеров, маловеров, нытиков в белом лагере, которые в такие минуты огорчения решили призвать к сотрудничеству верных в несчастье друзей.

Правительство с октября 1919 г. по конец января 1920 г. — фактический придаток к главному начальнику края — диктатору Миллеру, обслуживаемый исключительно буржуазией. Диктатура показывала свои когти мелкой буржуазии, задевая иногда по хребту представителей средней и крупной буржуазии. Она создавала видимость твердой власти, укрепляемой без посредничества демократов.

Правительство первой декады февраля 1920 г. — это работа на холостом ходу, это сам Миллер, оставшийся в единственном числе. Министры все разбежались по причине «чрезмерного переутомления».

Правительство с 10 по 18 февраля 1920 г. — опять контакт буржуазии с «государственно мыслящими» «социалистами», «правительство спасения» уже окончательно лопнувшего предприятия.

И наконец правительство двух суток, 19 и 20 февраля, архангельский исполнительный комитет — это работа «социалистических» шариков без буржуазного подшипника.

Таков путь северной белой власти, путь тяжелый, изрытый всяческими рытвинами и покрытый ухабами, сопряженный с постоянным риском провала, насы-

щенный любовью и изменами, изменами и любовью между буржуазией и «социалистами».

По существу в условиях малонаселенного и холодного русского Севера не было никакого белого правительства, оно не могло при конкретно складывавшейся там обстановке процветать, оно было просто фикцией. В этом отношении историю контрреволюции на Севере необходимо делить на два (считая подготовительный, три) периода. Первый период — период английской диктатуры, второй, с октября 1919 г., — русской буржуазной диктатуры, миллеровщины. Как в первом, так и во втором случае северное правительство играло второстепенную роль и выполняло черновую работу. Все основные вопросы решались в ставке английского главнокомандующего Пуля, затем Айронсайда, а после ухода англичан — в штабе русского диктатора Миллера.

Айронсайдовщина и миллеровщина — это две основные формы, в которых до поры до времени последовательно покоилось все белое движение на Севере, это две основных буржуазно-национальных краски, на общем фоне которых имелись различные, местами причудливые зарисовки, сделанные руками реакционеров и «социалистов».

Белый фронт на Севере подгнил настолько основательно, что не представляло большого труда прорвать его и ликвидировать. Трудящееся население Севера на своем личном опыте быстро убедилось в превосходстве советской власти, в то время голодной и

бедной, над режимом сытых и богатых интервентов. Охвостье союзной интервенции на Севере, миллеровщина, ни в какой степени не удовлетворяла запросов масс; это была буржуазная диктатура, подлинная реакция, преследовавшая цель восстановления дореволюционного строя. Дико и смехотворно звучит итоговый вывод активного белого деятеля, генерала Марушевского, «с глубоким убеждением» отмечавшего, что «руководящей идеей массы было восстановление монархии».

Подобный вывод нужно отнести исключительно за счет форменного идиотизма таких белых «вождей», как Марушевский. Трудящиеся Севера показали, что они были не только против буржуазно-помещечьего течения, но и против демократического, мелкобуржуазного. Как ни служили «социалисты» капиталистам, ничего из этого не вышло. Им представлялась честь сделать только подготовительную работу, создавать почву для прихода интервентов, производить частичный ремонт белогвардейского аппарата и затем служить задней частью разбитой и бегущей назад буржуазно-помещечьей контрреволюции.

* * *

На Севере строилось грандиозное по своим замыслам белое здание, возводились леса, подвозился строительный материал, вербовалась наемная рабочая сила. Инженерный персонал был представлен виднейшими, высококвалифицированными западноевропейскими

и американскими силами; среднетехнический — русскими специалистами. Во главе строительства стоял англичанин. В строительстве применялись последние достижения науки и техники. И когда здание в основном было построено, когда были сняты леса и все иностранцы вернулись к себе на родину, вдруг неожиданно произошел обвал. Строительный материал оказался совершенно негодным, фундамент стал оседать в болотистой почве, колонны не выдержали и с шумом упали. Под громадой обломков оказались придавленными техники постройки и некоторая часть наемных рабочих.

Через самое непродолжительное время пришли новые строители с большим практическим опытом, истинные герои труда, энтузиасты своего дела. С колоссальным упорством и невиданной решимостью они и по сие время возводят чудесное здание, которое превзойдет по своему стилю все самое ценное, что имеется на Западе и в Америке.

Над этой новой стройкой уже тринадцатый год развевается красное знамя. На помощь старым строителям успели подрасти молодые силы. Подошли многочисленные свежие резервы. На великой стройке стали применяться новые методы работы. Ударничеством и соревнованием закаляют они себя в свободном труде, используют опыт старого и готовятся быть творцами нового.

Архангельская Областная БИБЛИОТЕКА им. Н. А. Добролюбова

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I

Стр.

ПОДГОТОВКА ОККУПАЦИИ СЕВЕРА 5

Взаимоотношения Антанты с царской Россией и Советской республикой.— Политический авантюризм Троцкого.— Смычка империалистов с мурманским совдепом. — Образование военного совета и первая высадка английского десанта. — Образование краевого совета. — Приезд генерала Пуля. — Мурманск и Москва. — Директивы Ленина, Сталина, Чичерина. — Разрыв с Москвой. — Заключение временного договора «по особым обстоятельствам».

Глава II

ПАДЕНИЕ АРХАНГЕЛЬСКА 36

Интерес империалистов к Архангельску.— План Нуланса.— Роль дипломатического корпуса в России. — Экономическое и политическое состояние Архангельской губернии и Архангельска. — Деятельность советской ревизии. — Шенкурское восстание. — Оборона Архангельска и предательство военспецов. — Восстание в Архангельске. — Приход интервентов. — Провал августовского плана Локкарта.

Глава III

В АНГЛИЙСКОЙ КОЛОНИИ 72

Верховное управление Северной области и его деятельность. — Взаимоотношения с союзниками. — Подчинение Мурманска верховному управлению. — Сентябрьский переворот в

Архангельске, его причины и результаты. — Создание временного правительства Северной области. — Формирование белогвардейских вооруженных сил. — Декабрьское солдатское восстание в Архангельске. — Национальное ополчение. — Мартовские события в Архангельске. — Большевистское подполье.

Глава IV

НА ПУТЯХ К ПОБЕДЕ 112

Летние восстания солдат северной белой армии. — Политическое состояние союзнических войск. — Земско-городское совещание. — Эвакуация интервентов. — Результаты английского господства на русском Севере. — Дело Шекльтона. — Миллеровщина. — Архангельское губернское земское собрание в феврале 1920 г. — Февральские восстания белых солдат. — Наступление 6-й советской армии. — Занятие Красной армией Архангельска. — Восстание в Мурманске. — Следы господства интервентов и белогвардейцев на Севере. — Итоги борьбы за Север.

Кабинет Севера
Обл[illegible]токи
им. А. И. Добролюбова

174

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД-ВО ДЕТСКОЙ и ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
Москва, Центр, Новая пл., 6.

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА
Под редакцией А. И ЕЛИЗАРОВОЙ и Ф. КОНА

Енукидзе А.— Большевистские нелегальные типографии. Стр. 108, ц. 35 к.
Кон Ф.— Увоз 10 смертников. Стр. 47, ц. 20 к.
Котов Г. Н.— В борьбе за революцию (воспоминание рабочего большевика). С предисловием Л. Сталь. Стр. 111, ц. 45 к.
Красин Л. Б.— Дела давно минувших дней. Стр. 95, ц. 35 к.
Лалаянц И.— У истоков большевизма; зарождение РС-ДРП. Стр. 109, ц. 50 к.
Пече Я.— Рабочая молодежь в подполье. Стр. 63, ц. 25 к.
Смидович П.—Рабочие массы в 90-х годах. Стр. 61, ц. 25 к.
Сталь Л.— Перед великим пятым годом. Стр. 47, ц. 25 к.
Ульянова-Елизарова.— Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. Стр. 172, ц. 70 к.
Ульянова-Елизарова.— Воспоминания об Ильиче. Стр. 80, ц. 30 к.
Цветков-Просвещенский А. К.— На путях большевизма. 1907--1914 г. г. Стр. 198, ц. 1 р.
Шотман А.— Записки старого большевика. Стр. 128, ц. 50 к.

Продажа во всех отделениях и магазинах
КНИГОЦЕНТРА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД-ВО ДЕТСКОЙ и ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, центр, Новая пл., 6.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННИКОВ

* **Бах А. Н.** — Записки народовольца. Стр. 248, ц. 1 р. 65 к.

Бонч-Бруевич — Нелегальная поездка в Россию. Стр. 320, ц. 2 р. 10 к.

Васильев — В семидесятые годы. Стр. 127, ц. 75 к.

Дебагори-Мокриевич — От бунтарства к терроризму, с предисловием Валка. Кн. I и II. Стр. 421+339, ц. 3 р. 40 к. за 2 тома.

Деркач Н. Я. — По этапам и тюрьмам. Стр. 95, ц. 75 к.

Ермаковский Д. — Туруханский бунт. Стр. 215, ц. 1 р. 50 к.

Иванчин-Писарев — Хождение в народ. Стр. 452, ц. 2 р. 25 к.

Поджио — Записки декабриста. Стр. 116, ц. 50 к.

Тарасов — Записки рядового большевика. Стр. 159, ц. 1 р.

Отмеченные звездочкой — распроданы по складу.

Продажа во всех отделениях и магазинах КНИГОЦЕНТРА.

СХЕМА
ЛЕТНЕЙ и ОСЕННЕЙ КАМПАНИЙ НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ
с IV по IX мес. 1919 г.

Масштаб:

0 80 160 240км.

Белое море

Кемь
Сорокио
Онега
1/VIII
Чекуево
Ловенец
1.д.
Сур-Ярда
Сердоболь
ПЕТРОЗАВОДСК
Оз. Онежское
Сальмис
Кексгольм
Видлица
Олонец
р. Свирь
Лодейное Поле
Оз. Ладожское
ВЫБОРГ
ПЕТРОГРАД
Ямбург
Нарва
р. Нарва
Гатчина
Д. Село
ст. Званка
Чудов
22/VII
Средь-Мехренга
Плясецкая
р. Онега
54 д.
27/IX
АРХАНГЕЛЬСК
VI Пинега
Холмогоры
р. Пинега
Обозерская
Сев. Двина
25/IX
V Тулгас
Шенкурск
18 д.
10-12/VIII
р. Вага
Бельск
р. Вычегда
Котлас
Пучега
Тотьма
р. Сухона
р. Юг
6
ВОЛОГДА

Условные обозначения:

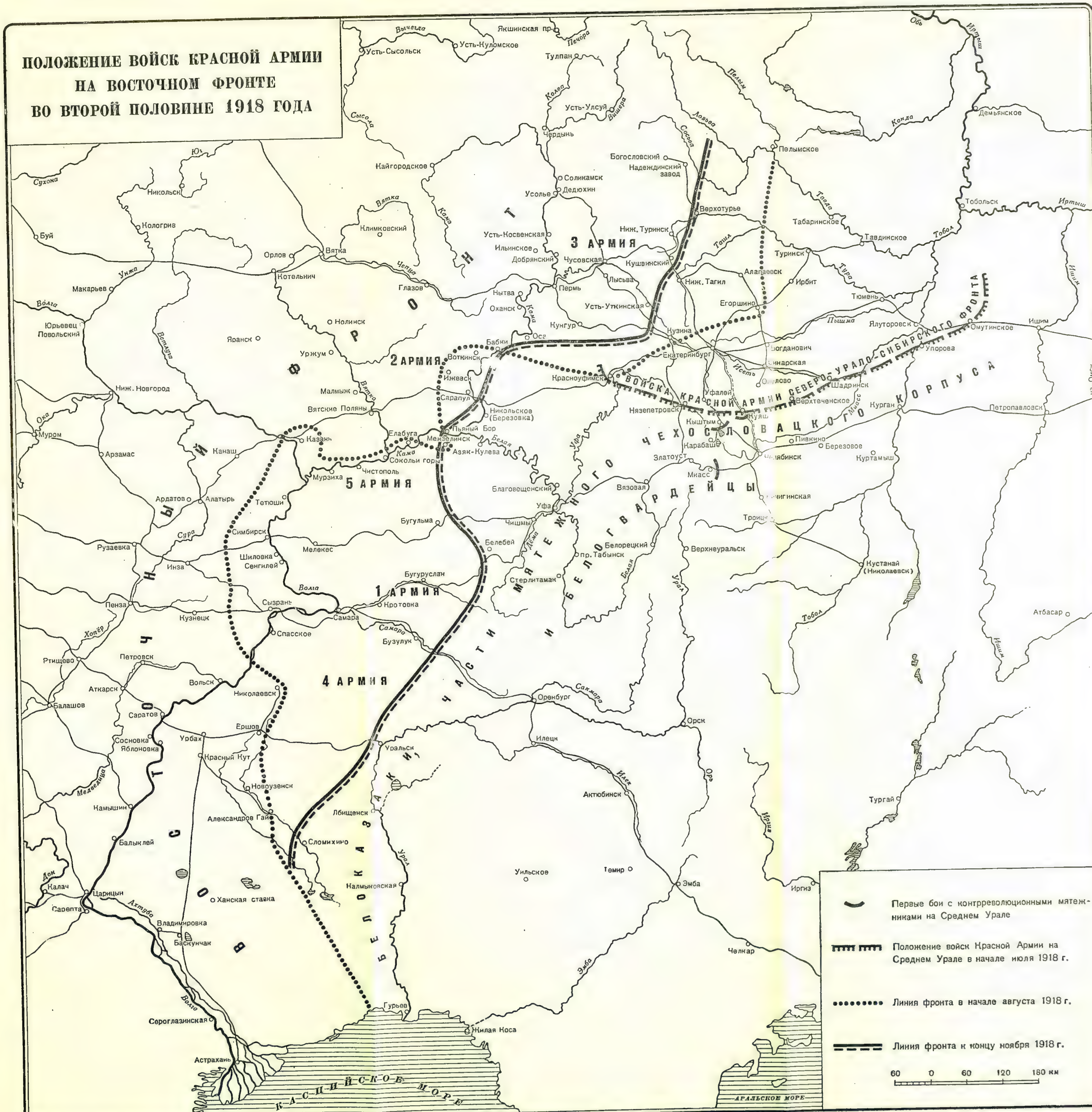
Красные; белые; наступл. красных; отступл. красн.;
бело-финны; „ белых; „ белых.
восстание против белых; англичане;
флотилия красных.

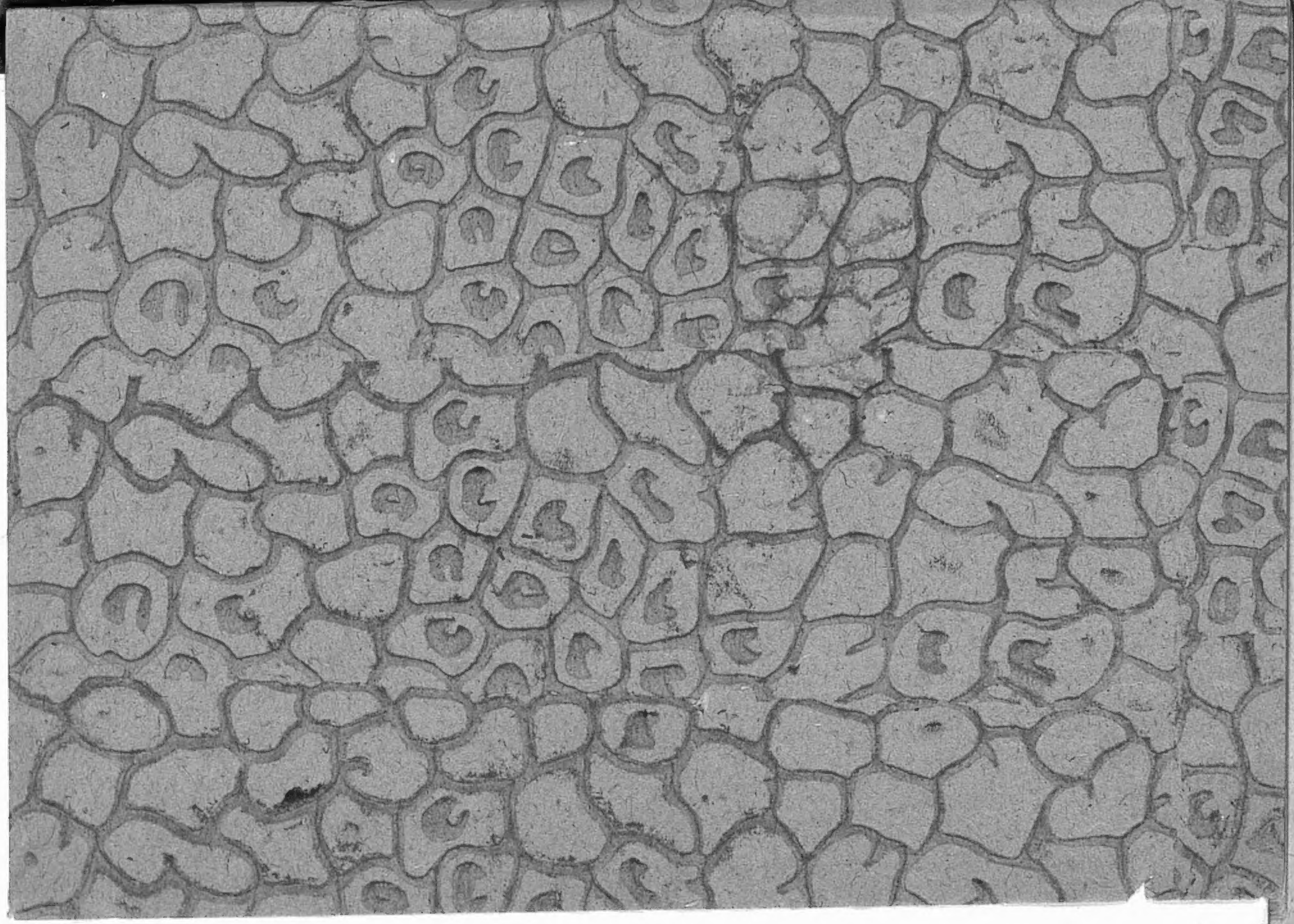
П. Ульянов.

Кабинет Севера
ОГБ Библиотеки
им. А. И. Добролюбова

СХЕМА
ЛИКВИДАЦИИ
СЕВЕРНОГО ФРОНТА
Январь и Февраль
1920 г.
Масштаб
0 50 100 150 200 км
Мурманск
21/II
Кола
13/II
П.О. Иоканьга
ст. Кандалакша
Кандалакша
Кольвицы
Княжья Губа
ст. Ковда
Белое море
Ухта
Кемь
Сороки
О. Мудьюг
Архангельск
Пинега
Труфаногорская
р. Пинега
21/II
Холмогоры
Онега
26/II
Чекуево
с 8 на 9
II
Обозерская
23/II
Ст. Масельская
13/II
Средь-Мехренга
Плясецкая
54 д.
р. Онега
р. Емца
Тулгас
р. Сев. Двина
Яренск
р. Вычегда
Шенкурск
18 д.
р. Вага
Котлас
Сердоболь
ПЕТРОЗАВОДСК
1 д.
Оз. Онежское
Кексгольм
Выборг
Оз. Ладожское
р. Свирь
Вытегра
Лодейное Поле
Бельск
VI-ая АРМ.
ПЕТРОГРАД
ст. Званка
Д. Село
р. Сухона
р. Юг
Условные обозначения:
Красные;
белые;
бело-финны.
восстание против белых;
наступление красных;
отступление белых;
отступл. белых морем.
П. Ульянов

Кабинет Севера
Сёр [illegible] ДКОТЕКИ
им. А. Н. Добролюбова


ПОЛОЖЕНИЕ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 ГОДА
Первые бои с контрреволюционными мятежниками на Среднем Урале
Положение войск Красной Армии на Среднем Урале в начале июля 1918 г.
Линия фронта в начале августа 1918 г.
Линия фронта к концу ноября 1918 г.
60 0 60 120 180 км
ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
2 АРМИЯ
3 АРМИЯ
5 АРМИЯ
1 АРМИЯ
4 АРМИЯ
ВОЙСКА КРАСНОЙ АРМИИ СЕВЕРО-УРАЛО-СИБИРСКОГО ФРОНТА
ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА
ЧАСТИ МЯТЕЖНОГО
И БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
БЕЛОКАЗАКИ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Усть-Сысольск
Усть-Куломское
Якшинская пр.
Тулпан
Усть-Улсуй
Чердынь
Кайгородское
Соликамск
Дедюхин
Усолье
Богословский
Надеждинский завод
Верхотурье
Пелымское
Демьянское
Тобольск
Табаринское
Тавдинское
Туринск
Ирбит
Алапаевск
Ниж. Туринск
Кушвинский
Ниж. Тагил
Егоршино
Тюмень
Ялуторовск
Омутинское
Ишим
Упорова
Богданович
Синарская
Екатеринбург
Кузина
Шадринск
Верхтеченское
Курган
Петропавловск
на Омск
Никольск
Кологрив
Буй
Орлов
Вятка
Котельнич
Климковский
Глазов
Макарьев
Юрьевец Повольский
Яранск
Нолинск
Уржум
Малмыж
Ниж. Новгород
Вятские Поляны
Муром
Арзамас
Канаш
Казань
Елабуга
Мензелинск
Пьяный Бор
Сарапул
Ижевск
Воткинск
Бабки
Оса
Кунгур
Пермь
Чусовская
Лысьва
Усть-Косвенская
Ильинское
Добрянский
Нытва
Оханск
Усть-Уткинская
Красноуфимск
Нязепетровск
Уфалей
Кыштым
Карабаш
Куяш
Златоуст
Миасс
Челябинск
Пивкино
Березовое
Куртамыш
Звериноголовская
Троицк
Верхнеуральск
Кустанай (Николаевск)
Атбасар
Тургай
Иргиз
Челкар
Эмба
Темир
Уильское
Актюбинск
Орск
Оренбург
Илецк
Уральск
Лбищенск
Сломихино
Калмыковская
Гурьев
Жилая Коса
Астрахань
Сероглазинская
Ханская ставка
Баскунчак
Владимировка
Царицын
Сарепта
Калач
Балыклей
Камышин
Александров Гай
Новоузенск
Красный Кут
Урбах
Ершов
Сосновка
Яблоновка
Саратов
Балашов
Аткарск
Вольск
Николаевск
Петровск
Ртищево
Кузнецк
Пенза
Сызрань
Самара
Кротовка
Спасское
Бузулук
Бугуруслан
Мелекесс
Шиловка
Сенгилей
Симбирск
Инза
Рузаевка
Ардатов
Алатырь
Тетюши
Мурзиха
Чистополь
Сокольи горы
Азяк-Кулева
Никольское (Березовка)
Бугульма
Благовещенский
Уфа
Чишмы
Белебей
Стерлитамак
Белорецкий
пр. Табынск
Вязовая
Сухона
Юг
Вятка
Кама
Чепца
Унжа
Волга
Ветлуга
Ока
Сура
Хопёр
Медведица
Дон
Ахтуба
Урал
Белая
Уфа
Исеть
Миасс
Пышма
Тура
Тавда
Конда
Иртыш
Обь
Ишим
Тобол
Сакмара
Илек
Орь
Иргиз
Эмба
Самара
Печора
Колва
Вишера
Сосьва
Лозьва
Пелым
Тагил
Вычегда
Сысола
Дёма



80 K.